

Артем Тихомиров

РЫЦАРЬ
ЖЕЛЕЗНОГО КУЛАКА

Артем Тихомиров Рыцарь Железного Кулака

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182293
Рыцарь Железного Кулака: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35556-3*

Аннотация

Бродит по миру доблестный рыцарь, слава о котором катится далеко впереди него. Рыцарь всегда придет на помощь нуждающимся – спасет какой-нибудь народ от власти чернокнижника, уложит дракона на лопатки или переведет старушку через улицу. И его совершенно не смущает, что не человек он вовсе, а огр. Зовут его Браги из Шидама, и свое прозвище – Страшила – он получил, конечно, не за выдающуюся красоту. Впрочем, наш герой считает, что на самом деле он заколдованный человек, а никакое не чудо-юдо. И когда-нибудь к нему непременно вернуться истинный облик и память. А пока на повестке дня подвиги и приключения: в мире еще столько жестоких людоедов, коварных колдуний и эльфийских принцесс...

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	6
3	9
4	14
5	18
6	21
7	26
8	29
9	30
10	34
Часть вторая	36
1	36
2	38
3	40
4	41
5	43
6	48
7	50
8	54
9	58
Часть третья	59
1	59
2	61
3	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Артем Тихомиров

Рыцарь Железного Кулака

Часть первая

Рассмешить принцессу

1

Собаки устроили настоящий концерт. Округа наполнилась дурным воем. Кошки, почуяв неладное, поспешили укрыться в своих укромных местечках и оттуда зыркали горящими глазами. Станный, нелепый с виду пришелец появился с юга. Миновал перекресток и двинулся сквозь густозаселенный посад в сторону Кимизиллы. Дочки мельника, увидев путника, бросились бежать. Спрятавшись в кустах, девицы долго провожали чудище взглядом.

Даже для этих мест, где можно встретить много разных личностей, визит огра – а пришелец, несомненно, принадлежал к их числу – оказался неожиданностью. Самые старые жители окрестностей не помнили такого. Позже, когда пыль улеглась, посадские с удовольствием рассказывали байки о том, как храбро, лицом к лицу, встретили чужака, как почуяли в нем благородное стремление помогать страждущим. Каждый из тех, кто красочно врал у камина долгими зимними вечерами, приписывал себе исключительную роль в последующих событиях. Со временем рассказы о странствующем огре превратились в легенды, а потом и в сказки, которые рассказывают детишкам на ночь.

Действительность же, как водится, была совершенно иной. А какой именно, так этого не помнит теперь никто...

Большой квадратный пришелец ехал верхом, что даже мельниковы дочери, девицы небольшого ума, посчитали невероятным. При таких габаритах обычная лошадь не сумела бы выдержать огрского веса. Но лошадь не была обычной. Вез на себе огра могучий ухмыляющийся першерон неизвестной породы. Обыкновенная же кляча, бредущая позади, волокла на себе багаж визитера и его оружие с доспехами. Округу не баловали своим посещением странствующие рыцари, поэтому дочери мельника не знали, как в действительности должен выглядеть один из них. Обе девицы, откровенно говоря, вообще не были склонны задаваться какими-либо вопросами. Зато, едва огр скрылся за поворотом, они помчались сообщать всем ошеломляющую новость.

Псины уже вовсю надрывали глотки. По дворам пробежал ропот. Местные высывали головы из-за заборов и спрашивали друг у друга, что случилось. Суматоха поднялась необыкновенная, когда огр появился на центральной улице Южного Конца. Ребятня посыпалась, словно горох, изо всех щелей. Поднялся галдеж. В огра тыкали пальцами, смеялись. Кто-то из мелкоты осмелился бросить в него огрызок яблока, за что схлопотал от мамыши по затылку.

Огр не обращал на суматоху внимания. На его широкой физиономии застыло меланхолическое выражение. Ногтем мизинца он поковырялся в зубах и подмигнул двум эльфийкам, стоящим ближе всех. Эльфийки зарделись и захихикали. Собаки продолжали голосить, невзирая на брань со стороны хозяев. Кот, не спрятавшийся в укромное местечко, а оставшийся сидеть на заборе, выгнул спину и зашипел. В тот день местные узнали одну особенность характера домашних животных: не любят огров ни кошки, ни собаки.

Самого же пришельца это ничуть не волновало. Проехав шагов сто, он свернул к таверне под названием «Игривый Окунь», принадлежащей семейству полуросликов Лаффинбугов, а именно – Оззи Лаффинбугу.

Целая армия всполошенных коротышек выдвинулась во двор из дома. Никто не знал, что делать дальше. Гость есть гость, правила не позволяют прогнать его. Пока он не наделал всяких нехороших дел, разумеется. «Огр, – шептала многочисленная родня Оззи, – огр явился! Смотрите!»

Огр тем временем слез с коня и потянулся. Хрустнул пальцами. Толпа полуросликов охнула и подалась назад. Потом стало тихо. Заткнулись собаки, притихли кошки. В воздухе, наполненном запахами трав и цветов, зазвенела муха. Зеваки толпились на улице и глазели во двор с открытыми ртами.

– Браги! Кого я вижу?! Сколько лет, сколько зим!

Сквозь толпу родственников протолкался сам хозяин «Игривого Окуня», розовощекий рыжий полурослик в башмаках с квадратными носами и пряжкой, начищенной до блеска.

– Оззи? Ты? – проорчал огр. – Хм... Не думал, что встречу тебя здесь... Это хорошо. Ну, как поживаешь, муравей?

Полурослик задрал голову кверху. Даже самый высокий из этого племени едва ли доставал ростом до огрова колена.

– А ты все такой же, – произнес Оззи. – Большой, страшный и неугомонный.

– Ну. На том и стоим. А ты что ж... Прибился к кому-то в услужение? – Браги кивнул на «Игривого Окуня».

– Нет, что ты! Я тут хозяин. А это – мои родственники и семья. Помогают в деле.

Полурослик важно уткнул руки в боки и зыркнул в сторону толпы себе подобных.

– А ну! Комнату для гостя. Пива и жареной свинины! И всего прочего по высшему разряду... Коней распрячь и в конюшню.

Огр что-то просопел. Снял шапку, почесал затылок.

– Вижу, издалека идешь. – Оззи осмотрел одеяние великана и его сапоги. – И глотка, поди, пересохла?

– Что верно, то верно! – громыхнул огр. – Еду четвертые сутки и ни разу за это время не видел приличного места для ночлега и хорошей жарчки.

2

Браги взмахнул ручищей, в которой держал жареный свиной окорок, обглоданный наполовину.

– Недурно ты устроился, приятель. Таверна! Что ж, хорошее дело!..

Они сидели в эркере, отделенном от общего зала, но все равно чувствовалось, что на них направлено все внимание посетителей.

– Ага. Хорошее. Пока жаловаться не приходится. Налоги король установил вполне терпимые, так что живем. На хлеб с маслом хватает, – ответил Оззи, нянча свою кружку с пивом, которая была меньше огровой кружки раз в пять-шесть.

– Хлеб с маслом? – хмыкнул Браги. – Должно быть, муравей, это большой кусок.

Лаффинбург усмехнулся.

– Как знать. Сейчас он большой. А что будет завтра? Жизнь, брат, штука непредсказуемая...

– Философия полуросликов? Узнаю, – сказал Браги. В его глотке забулькало пиво. Потом оттуда же вырвалась отрывка.

– Надейся на лучшее, готовься к худшему... – ответил Оззи.

– Когда-то вроде бы это сказал тебе я. Помнишь? Старое доброе время! Эх... были деньки!

– Да, славные.

– А где супруга твоя? Иния, так, что ли? Не видать!

– К сестре поехала. Тише в доме стало.

– Не думал, что ты женишься так быстро. – Огр раскусил кость, посмотрел, что там внутри, высосал мозг, бросил обломки в чан, куда швыряли объедки. – И почему ты решил осесть?

Оззи рассмеялся, огляделся по сторонам, нет ли поблизости кого-нибудь не в меру любопытного.

– По правде говоря, женился я на деньгах своей суженой. Не хватало мне на открытие дела да на раскрутку, понимаешь? Подумал: ну все к лешему, где наша не пропадала! Деньги-то не пахнут, как говаривал мой папаня, открывший сеть платных туалетов в Либбентоне. Иния, кстати, оказалась ничего себе. Так что я не прогадал. И женатый, и при деле теперь. А ты что же? Все тот же странствующий рыцарь? – Оззи снова оглянулся. – Есть сдвиги-то в твоём вопросе?

– Не-а. Все тот же я, как видишь! – Огр ощерил зубищи, сверкнул глазами и поскреб пальцами брюхо, выглядывающее из-под расстегнутой куртки. – Большой, страшный, неугомонный. Злой. Иногда даже, как говорят, вонючий. Мотаюсь взад-вперед, совершаю добрые дела, как положено странствующему рыцарю. Недавно побывал в Гихмаде. Нашел там одного чародея, но он даже не стал со мной разговаривать. Только хохотал, поганец, с вершины башни. Если бы не торчала та башня посеред города, не поленился бы ее развалить. Постоял, постоял, потом плюнул и поехал на север, в Кимизиллу, столицу Пибадура. По пути встретил колдунью – тогда, конечно, я ни ухом ни рылом, кто она такая, – а она мне и говорит: слазишь, касатик, в пустое дерево? Под землей, ниже корней, говорит, есть сокровища несметные. Достань мне огниво, ядрена вошь. Отблагодарю, говорит, касатик. Ну, я и полез, как дурак. А в дупле-то кормой и застрял. Ни туда, ни сюда. Торчу, ругаюсь, задницей наружу, а колдунья осерчала. Давай орать во всю глотку. Да со злости как пальнет молнией в дерево. Только так я и освободился. Сижу, песок вытряхиваю из ушей, а она давай меня костерить! Я повернулся как-то не так, слышу, хрустнуло под боком. Гляжу, а колдунья-то преставилась. Как есть – дуба дала...

Оззи Лаффинбург вытащил из кармашка жилетки золоченую табакерку и сунул по понюшке в каждую ноздрю. Чихнул от души. Зажмурился.

– Да уж. Страшный и большой! – засмеялся полурослик. – А дальше?

– Дерево-то развалилось, а в земле лаз открылся. Вот в него я и пролез. Гляжу, там винный погреб! Странно, думаю. Это и есть несметные сокровища?

– Ну, если вино хорошее, то...

– Вот именно, муравей. Если! – Огр ухватился за жареный свиной бок. По знаку Оззи несколько его племянников прикатили на тележке новый бочонок ледяного пива. – Винцо оказалось никакое. Долго, видимо, хранилось в земле, уксусом стало. Тьфу!

– Жаль, – вздохнул Оззи.

– Нашел огниво, которое колдунья требовала. Чиркнул. Явились по чародейскому зову три собаки с золотыми глазами – и на меня кинулись. Брешут сказки! Волшебные помощники! Что за век! С каких пор они стали на новых хозяев нападать? Еле отбил я от этих псин, а огниво забросил в озеро. И больше по пути сюда ни на какие просьбы не отзывался.

Браги нацедил себе еще пива.

– Знатное питье, Оззи. Хорошие поставщики.

– Да. Гномы из Грибной Пади, что за Шелькой. Владеют, хитрецы, рецептурой какой-то, ее у нас и не знают.

– Вот почему твое дело вверх пошло, – подмигнул огр. – Так?

– В моем деле не будешь вертеться, пойдешь по миру, – ответил, вздохнув, Оззи.

– Как в моем, – громко рыгнул Браги. – Профессия странствующего рыцаря нынче не такая доходная, надо тебе сказать. Раньше как было? Освобождает замок от разбойников – тебе благодарный хозяин, если его лиходеи не прирезали, от радости мешок денег отваливает. Если же, например, отец умыкнутой в полон к дракону девицы будет доволен выполненной работой, тоже не обидит. Без напоминаний одаривали героя спасенные. И щедрость душевная в цене была. Галантные времена царили, сам знаешь. А теперь приходится на берегу договариваться, потому как любой прохвост норовит накормить тебя спасибками, а спасибо на хлеб не намажешь... Такому брюху, как мое, требуется нечто большее, Оззи.

– Ясно. Странствующие рыцари переходят со своими клиентами на коммерческие отношения, – улыбнулся полурослик.

– Вроде того, – серьезно засопел Браги. – Вот у меня специализация – спасение девиц. Благородных дам тоже. И ведь не от хорошей жизни, муравей. – Оззи хихикнул в кулак. – Но в этом и кроится загвоздка, приятель. Девицы нынче через одну спастись не желают. Вот пробиваешься к ней через полчища ворогов, упырей, побеждаешь чернокнижников и змиев огнедышащих, а в итоге?

– Что в итоге?

– Не хочу, говорит очередная дева, домой возвращаться. Вали, благородный рыцарь, обратно, ничего тебе тут не обломится! – Огр повел в воздухе кулаком размером с ведро. – Ух! А еще говорят – рожка ты чудовищная, монстр и невесть что! Хочу, чтобы меня спасал прекрасный принц на белом коне! Вот так! Больно самостоятельные стали принцессы. Книжек еще дурацких начитаются, так вовсе с ними сладу нету!..

– Оно и верно, – подтвердил Оззи. – Слышал я об этом. Эмансипация называется.

– Во-во... Эм... Ам... Проклятье! Даже слово такое не выговоришь! А что вот я – не принц на белом коне? Что, разве дело в масти зверюги, на которой я езжу?

– Хм... Не только...

– Да какая разница, скажи мне?!

– Для них, принцесс, есть, наверное.

– Ладно. Предположим, куплю я себе на свои скромные шиши битюга белой масти, а дальше что?

– Не знаю.

– А то, что очередная краля найдет, к чему другому придраться! Как пить дать. Я-то, между прочим, не последних кровей. Не помню, каких точно, но... Кхе... Словом, ты в курсе дела!

Полурослик оглядел могучую массу плоти, носящую имя Браги, и покачал головой. Конечно, он знал ситуацию огра. Знал о его бесконечных скитаниях, поисках, пробах, надеждах. Но верил ли?

Лаффинбуг снова обратился к своей табакерке.

Когда-то Оззи вполне доверял версии Браги. Сейчас же его одолели сомнения. Огр считал, что на самом деле он никакой не огр, а человек, которого заколдовал один сумасшедший чародей. Дескать, Браги – сын каких-то родовитых родителей, только судьба его повернулась вот таким печальным образом. Обычное дело. Младший отпрыск отправляется в странствия, снабженный всеми рыцарскими принадлежностями, потребными для совершения подвигов. Большого семья ему предложить не в состоянии. Немало таких вот героев валандается по дорогам. Никто им не удивляется, иной же раз странствующие рыцари эти прям как заноза в заднице. Особенно когда начинают гулять да буянить.

Разумеется, на фоне всех остальных огр являл собой исключение. Уже хотя бы тем, что не был человеком. По части же рыцарских штучек и профессиональных героических секретов он проявлял немалую осведомленность. Странную и необычную для неотесанной деревенщины из шидамской глухомани. Кажется, в самом деле – рыцарь, при том что видом своим больше подходит на роль чудовища, чем на благородного защитника угнетенных. Был Браги заколдованным человеком или нет, Оззи Лаффинбуг с точностью сказать не мог, но даже на Алой Книге поклялся бы: огр даст фору многим благородным господам из людей, именующих себя героями. Не прочь был великан гульнуть и состряпать пару-тройку эскапад для развеяния скуки, но когда речь заходила о профессиональном долге, тут держитесь, лиходеи! Оззи довелось видеть, чего стоит Браги. Рубака из него был хоть куда. О силище и говорить не приходится.

Огр налил себе еще пива. Полурослик подумал о том, что скажет его жена, Иния, когда узнает, какое опустошение произвел Браги в их погребе. Можно по старой памяти налить кружечку другу, скажет она, но не пару бочонков же!

Оззи вздохнул и допил свое пиво. Эх, раз жены нет, так нечего и горевать. Приедет – там видно будет. Полурослик налил себе. Друзья чокнулись.

– А для чего ты в Кимизиллу-то приехал? – спросил Оззи, вытирая рот рукавом.

– Хм... Поискать работенку какую-никакую. Может, какой даме паладин нужен. Или что-нибудь в этом роде... Так или иначе, найдутся еще дела для странствующих рыцарей в таком тихом местечке? Да, муравей?

Оззи взъерошил рыжую шевелюру.

– Кхе... Кстати, о деле. Раз уж приехал, расскажу я тебе одну занятную историйку, – сказал полурослик.

– Ну! Подошли к самому интересному? Давай рассказывай. Я весь внимание.

Огр откинулся на стену и вздохнул с самым довольным видом. Дверь в эркер была приоткрыта. Из общего зала доносились голоса посетителей таверны. Оззи Лаффинбуг расстегнул рубаху. Стало жарко. Пиво гномы из Грибной Пади варили и впрямь отменное.

3

– Было у нашего короля Ляпквиста три дочери, – начал Оззи. – Складных да ладных, как говорят знатоки и ценители, загляденье одно. Сам я, конечно, не видел ни одной, поэтому врать не стану. Долго ли коротко ли, время шло, пока не пришло к моменту, когда понадобилось выдавать двух старших, погодок, замуж. Долго Ляпквист выбирал для них женихов. Толпами шныряли здесь принцы из разных земель, но большинство, как водится, уехало ни с чем. Была у Ляпквиста нелегкая задача – сплавить дочурок подальше да не прогадать в смысле барыша. Чтобы браки эти были для него и королевства прибыльными в разных смыслах: политическом и финансовом. Маманя во всем этом не участвовала, потому что померла, давно померла, еще когда младшенькой было два годка всего. И не без цикуты отправилась королева к праотцам...

– Вот оно как? Забавно.

– Злые языки так говорят. – Оззи начертил на столешнице пивом закорючку. – Так вот. Речь-то я веду о младшей дочурке Ляпквистовой. Гундире. Любимая она у него. Ни в чем ей отказа нету, в роскоши купается, в шелках ходит, из золота ест, кушанья заморские только и признает. Души не чаёт Ляпквист в Гундире. Любой каприз – пожалуйста, будет выполнен.

– Капризная? – спросил огр. – Обычно такие... хм... не отличаются долготерпением... В особенности когда с малолетства пребывают в неге и холе...

– Вот-вот, угадал! В народе слухи ходят, что совсем от рук отбилась наша Гундира. Свихнулась, я думаю, от всяческой роскоши и вседозволенности. Пятнадцать годков ей исполнилось, а она уже пресытилась всем на свете. Нет ничего такого, чего она не повидала бы, представь только, Браги.

Огр кивнул, подцепив с только что принесенного деревянного блюда вилок жареного рябчика. Захрустел им, отправив целиком в рот.

– А что же две первые принцессы-то?

– Вышли замуж и уехали. Сделал им Ляпквист хорошие партии. И для себя – чтоб подальше. А я думаю, что дело не в самом короле, а в Гундире. Именно она не хотела терпеть рядом с собой сестер, желала единолично отцовой любовью пользоваться. Безраздельно, так сказать.

– Бывает.

– А недавно новый бзик у нее случился. У Гундиры. То ли окончательно повернулась принцесса, то ли какой-нибудь чародей подшутил, никто не знает. Но только Гундира совсем невесела стала. Сидит. Бычится.

– Как это?

– Ну, как тебе объяснить. Ничто ее не радует. Ничто не в состоянии даже рассмешить. Чуть что – в слезы. У нас ее даже Несмеяной прозвали, – сказал Оззи.

– И что же король?

– Вот уже два месяца кряду пытается вылечить свою ненаглядную кровиночку. – Полурослик понизил голос: – Если хочешь мое мнение, то здесь единственное верное средство – розгой по голому заду. Да так, чтоб месяц сидеть не смогла! Совсем избаловалась. Нервы тянет из Ляпквиста, глумится над придворными, издевается. Истерики закатывает по малейшему поводу. Слухи бродят в народе, Браги. Ничего Ляпквисту утаить не удастся.

Огр ухмыльнулся. Такая зловещая гримаса испугала бы, пожалуй, и дракона.

– До сих пор, значит, не рассмешили?

– Не-а. Со всех земель в Пибадур съезжались всевозможные увеселители. Передвижные цирки, труппы бродячих комедиантов, просто психи-одиночки, факиры, чародеи, колдуньи. И все без толку. Несмеяна всех гнала.

– А может, это заклятье? – предположил Браги.

– И так думали. Собрал однажды Ляпквист всех самых маститых волшебников Пибатура и еще многих из окрестностей и устроил совет. Чего, значица, делать с Гундирой. Большую награду пообещал, если у кого из них получится. – Лаффинбург вцепился зубками в рябчика. Гномское пиво пробуждало аппетит. – Пока не получилось. Ох и много чокнутых побывало, говорят, во дворце. Тьма! Были и настоящие смехуны. Действительно дело свое знали. Но представь: весь тронный зал, рыцари, придворные, графья, бароны, чародеи и хрен знает кто еще покатываются со смеху. Сам король под трон укатился, главный советник заикаться уже начал, наиглавнейший повар чуть не окочурился – так хохотал, а ей хоть бы хны! Сидит Несмеяна, что твоя туча мрачная. Ни гугу. Губу нижнюю выпятила, сопли пузырярем, слезы текут. Представил? Такие вот дела-делишки у нас в королевстве. Визжит и стучит ногами, требуя выгнать всех комедиантов взашей. Так и тянется эта волынка. Уже поток желающих рассмешить принцессу на убыль пошел. Никому не хочется зазря трудиться.

– А награда? Чего король обещает, в случае расме... если принцесса рассмеется?

– Хм... Насколько мне помнится, награда состоит в том, чтобы исполнить любое желание счастливого. Поначалу Ляпквист обещал тысячу золотых, потом мешок, потом замок и земли... А потом плюнул. Посчитал, что тот, кому повезет, пускай выберет себе подарок сам. – Полурослик успел захмелеть. – Мое же мнение таково: все бесполезно. Когда-нибудь это само пройдет. Блажь это. Блажь и больше ничего. Нет на свете ребенка, которого избавляли бы больше, чем Гундиру! Самое же верное и радикальное средство – розга. Да потом на хлеб и воду. На недельку. Никаких тебе заморских кушаний, ванн с лавандой и розовыми лепестками. Если не поймет, то повторить воспитательную беседу, повторять много раз, пока дурь не выйдет! Вообще, Ляпквист сам виноват. Теперь вот расхлебывает кашу, которую заварил.

– Замуж ее король не собирается отдавать? – спросил огр. – Сватались?

– Нет еще. Не сватались. Вот король объявит, тогда и пойдут сваты...

– Красивая принцесса-то?

– Ну... Говорят, да. Для некоторых все они красивые. Если же какую-нибудь клуню нарядить в платье с золотом и жемчугами, причесать и накрапать, то обязательно покрасивеет.

– А что говорили волшебники, знаешь?

– Говорили, что нету никакого заклятия на Гундире. И лекари всяческие поддакнули. Просто... Знаешь, слово какое-то употребили... Де... при... зя...

– Чего?

– Депризея...

– Депрессия, – поправил огр.

– О! Точно! Она самая!

– Два месяца – долго.

– Да свихнулась Гундира. Нечего и говорить. Уверен, депрессию эту розга тоже хорошо лечит, – сказал полурослик.

– Как знать. Слыхал я о нескольких подобных случаях. Не такая уж и редкость. Принцесса – существо противоречивое, нежное. Подходы к ней всегда разные. Несмеяна... Хм.

– Розга! Хлеб и вода! – Полурослик стукнул кулачком по столу.

– Может, тебе сходить во дворец и предложить такой способ решения? – захохотал Браги.

– А что?.. Может, и пойду!

– Сиди уж, муравей. Другое мне скажи: являлись ли во дворец огры?

Оззи задумался, нахмурил лоб.

– Нет. Всякие были, но огров ни одного. Ты что же, хочешь попробовать?

– Не знаю... Подумать надо.

– Вряд ли получится, – сказал Оззи, махнув рукой. – Мастера своего дела пытались, да всем на дверь указали. В лучшем случае. Некоторые, по желанию принцессы, получили по шее, да весьма крепко. Смекаешь?

– Не впервой.

– Плюнь! Я тебе другое расскажу. То, что по твоей части...

– Веселая жизнь в тихом королевстве, – усмехнулся Браги, вытирая грязные руки о живот. – Что ж, раз пошла такая пьянка, давай. Повесели старого друга.

– Милях в пятидесяти отсюда есть заброшенный замок. Лет сто стоит пустым после того, как вся баронская семейка перемерла там. Отчего дали дуба барон и его отпрыски, никто толком не знает. Но место считается нехорошим. Болтают всякие дурни, что проклял барона некий чернокнижник, чтоб ему пусто было. Ну, да не о том речь. Неподалеку от замка проходит очень важная для здешних краев торговая дорога. На юго-восток, в Дарграм. По ней и соль везут с Асланских Копей, и кожи из Виммера, и воск из Лазбарии. Много всего, одним словом. И никак, понимаешь, не объехать тот проклятущий замок, все мимо него. В прежние времена, насколько я знаю, барон дань взимал с проезжих, небольшую, так, вполне терпимую. А заодно охранял путь от разбойников. Польза, значит, была. Теперь чудовище поселилось в том замке. Самое что ни на есть. Проглотом зовется. Нападает на караваны торговые, утаскивает кого ни попадя к себе в логово мерзкое и там сжирает.

– Людоед, значит?

– Ну! И людоед, и эльфоед, и гномоед, и полуросликоед... Все ему едино, уроду.

Огр потер руки.

– Забавно.

– Забавно ему. А купцам страх один и ужас! Я вот тоже пострадал от Проглота недавно. Сделал заказ на пять бочек хиремеевского вина, белого, полусухого. Тряхнул мощной, а Проглот возьми да и напади на обоз. Все и сбегли кто куда – поставщик мой и его ребята. Насилу ноги унесли. А вино пропало. Говорят, что Проглот все забирает себе в замок. Чтоб ему мое вино поперек горла встало! Запивает он вином и пивом, которое ему перепадет, жаркое из неудачливых путников!

– Откупаться пробовали?

– Пробовали. Делегация туда целая отправилась. На переговоры. Никто не вернулся, хотя дюжина мечников умелых была с ними. Во как!

– Людоед... Как выглядит? Живые свидетели есть?

– Говорят, есть. А выглядит обыкновенно, – сказал Оззи, булькая пивом. Прищурил один глаз. – Здоровенный. Пожалуй, поболее тебя будет, приятель... Три глаза у него. На кой ляд три, непонятно! Одним словом, откуда взялся и какого хрена всех жрет, никто не знает.

– И давно жрет?

– Два уж месяца как... И чем дальше, тем убытков больше от этого Проглота. Скоро опустеет та дорога. Большой крюк придется делать, кто до Дарграма едет. Следовательно, цены подскочат. По миру пойдем... – Оззи страдальчески скривился.

– Ну, положим, еще не пошли, – сказал огр, жуя рябчика. – Скажи-ка: убить пробовали людоёда вашего?

– А как же? Дня не проходит, чтобы какой-нибудь рыцарь не отправился побеждать напасть! Много смельчаков к замку уезжало, но никто не вернулся. Впрочем, вру. Один вернулся. Ему Проглот шутки ради ноги отрубил, зажарил и заставил одну из них съесть. Шутник попался. Рыцарь же тот умом тронулся и слюни теперь пускает в приюте для героев-инвалидов.

– Да уж. А кто заплатит, если, скажем, я урою этого трехглазого? – спросил Браги.

– Король и заплатит. Главная купеческая гильдия обратилась к Ляпквисту с петицией, что, мол, так и так, просим принять меры против чудовища, иначе кранты всей нашей торговле.

– И?

– Что тут началось! Пошла новая волна героических походов на монстра. Теперь уже поперли на него рыцарские дружины наших баронов и графов. Кто-то говорил, что исполняет вассальный долг, кто-то, что движем благородными чувствами... Да не верю я. Деньги нужны им. Как всем. Семь сотен монет золотом. Сумма немалая. Пибадурская крона нынче весьма дорогая. Впрочем, если Проглота не прикончат, инфляция сожрет всю ее дороговизну. У рынка свои законы, брат. Правильно думаешь. Уделал Проглот три большие рыцарские дружины. Ни одного не оставил в живых. Нажрался, наверное, от пуза, гад. Потом уже не было столько желающих. Так, время от времени кое-кто. Мы чего больше всего боимся? Перестанут ездить по той дороге, так чудовище посидит-посидит голодным в замке, а потом попрется сюда искать пропитание. А пропитания ему надо страсть как много, это уже каждый смекнул.

– Семь сотен крон. Прилично. Мне бы не помешали, – промолвил огр.

– Значит, хочешь попытаться?

– Моя работа все-таки, хотя случай непростой.

– Не знаю, не знаю. Да, это тебе не разбойничью банду раскидать, – сказал Оззи. – Силен, видать, гаденыш.

– Всяких пользовали, – надулся Браги.

– Одно точно. Огры на него не ходили. Тем более странствующие.

Браги расхохотался. Перекрытия задрожали. Посетители в общей комнате притихли, прижали уши.

– Ну ты даешь, брат, – сказал Оззи, тряхнув головой. – Забыл, как ты можешь орать!

– Извини. Так что ж, неплохая награда за подвиг – семь сотен золотых?

– Неплохая. Это больше моего годового оборота, Браги.

– О!

– Именно! Столько же дает средних размеров ферма, на которой голов двести скота.

– И присовокупи сюда исполнение любого желания от самого Ляпквиста!

– Так ты все-таки возьмешься ее рассмешить, Несмеяну нашу? – выпучил глаза полурослик. – Seriously?

– Да.

– Каким образом?

– Есть одна мысль...

– Ничего у тебя не выйдет. Лучше возмись за то, в чем ты дока. Дай Проглоту по башке так, чтобы он окошел. Вот и будет подвиг! Самый что ни на есть рыцарский!..

Огр поскреб затылок.

– Не забывай, Оззи. У меня особая ситуация. И специализация.

– Знаю. Принцессы. Что же ты намерен загадать, если вдруг Гундира засмеется?

– Там видно будет, – ответил огр. – Когда во дворце принимают гостей?

– С полудня до двух часов. Завтра как раз должны прибыть новые комедианты. Иди туда и скажи, что, мол, ты один из желающих.

– Ясно.

– Только... Кхе. Что-то сомнительно, чтобы тебя пустили.

– Почему?

– Ты – огр.

– Тоже мне открытие!

– Для меня нет, а для них очень даже.

– Поживем – увидим, Оззи. – Огр похлопал себя по пузу. – Ну, давай теперь закатим настоящий пир. Проголодался я за этой говорильней!

Полурослик с отвисшей челюстью посмотрел на кувыркающуюся на столешнице золотую монету. Потом пришлепнул ее ладошкой.

– Думал, не заплачу? Не, брат, я огр чести!

– А...

– Пусть тащат сюда все, что есть. И винца! Винца! Пиво гномское хорошо, но сегодня хочу чего-нибудь покрепче!

Таверна загудела, задрожала, родственники Оззи забегали повсюду, словно тараканы, застигнутые на полу светом лампы.

Потом говорили, что такой пьянки никогда не было – ни до, ни после. Огр угощал всех желающих, жрал в три горла и орал песни, которые слышали даже на Крысиных Куличках, отстоящих от Кимизиллы на двадцать миль.

Утро застало таверну «Игривый Окунь» в совершенно непотребном виде. Все было завалено спящими вповалку гостями, храпящими, сопящими, бормочущими во сне. Оззи Лаффинбуг отыскался после продолжительных поисков под лестницей, что вела на второй этаж. Родственники подняли его, отнесли в комнату, переодели, умыли, дали кружку пива.

Полурослик отпил половину, сморщился, передернулся. Таверна пробуждалась к жизни. Страдающие похмельем гости уже требовали «лекарства».

Оззи поглядел на часы, которые показывали пять минут первого. «Как все-таки хорошо, что жена у сестры», – подумалось ему.

Попытавшись вспомнить вчерашнее, Оззи понял, что давно так не надирался.

– А где Браги? – спросил он наконец.

4

– Цель вашего визита, уважаемый? – спросил командир стражников, стоящих у входа во дворец.

«Уважаемый» был одет в черный плащ до земли, капюшон полностью закрывал его голову. Лица не видно. Командир стражи подозрительно оглядел гостя. Немал оказался гость размерами, ох немал. Настоящая гора.

– Сегодня Его Величество принимает желающих рассмешить принцессу?

– О да. Именно. По расписанию. Так вы один из?..

– Да, доблестный воитель! – прогудел громоподобный голос из-под капюшона. – Я – Рыцарь Таинственности! Кавалер Благородства! Прибыл из дальних земель, чтобы помочь прекраснейшей из принцесс, Гундире, да будет красота ее воспета в веках!.. Имя свое я сообщить не могу, ибо таков мой рыцарский обет. Должен я совершить еще двадцать добрых дел, чтобы иметь право назваться! Девять сотен и восемьдесят уже позади. – Шкаф в черном капюшоне поклонился.

Командир стражи и сама стража преисполнились благоговения. Тысячу добрых дел постановил совершить сей кавалер! Воистину, благородство его не знает границ! Сразу видно – герой. Лиходеям на погибель странствует он по земле, служа высоким идеалам...

Благоговение стражи не знало границ. Все трое – два алебардиста и их начальник – стояли с открытыми ртами.

– Оружие сдавать надо? – спросил Рыцарь Таинственности.

– А? – Командир стражи моргнул. – О!.. Протокол требует, чтобы все оружие оставалось у нас. Вы можете получить его на выходе, благородный господин.

– Я безоружен. Ибо таков мой обет. Я дал клятву совершать подвиги голыми руками.

– О! – протянул командир стражи. Благоговение его достигло всех мыслимых пределов. – Тогда... Милости прошу во дворец, Рыцарь Таинственности. Может быть, сообщить герольду, чтобы он объявил во всеуслышанье о вашем визите?

– Не надо, – донеслось из-под капюшона. – Скромность не позволяет мне этого. Скромность – благодать рыцаря, не так ли?

– Конечно, конечно, – уверил его командир стражи.

– И вообще. Я здесь инкогнито...

– Ага. Понял.

Шкаф в черном плаще проскользнул в проем стрельчатой арки и зашагал по широкой дороге, мощенной каменными плитами, к зданию дворца.

Резиденция владыки Пиадура была отделана золотом и серебром, украшена резьбой и даже драгоценными камнями, правда, чуть повыше, чтобы не дотянулись до них любители пожить. Конические крыши башен сверкали на солнце. На шпилях развевались разноцветные знамена. Окна забраны витражами, каждый из которых мог претендовать на звание произведения искусства.

«Ну, ясно, – подумал Браги, – нигде в другом месте купающаяся в роскоши принцесса жить просто не согласится». Видал огр дворцы и побольше, и покрасивее, и побогаче. Ничего такого, что поразило бы его воображение, он здесь не встретил. Лишь убедился в том, что Ляпквист не прочь пустить пыль в глаза. Может быть, любимая дочурка вся в него.

Подъездная дорога, усаженная по обеим сторонам деревьями, упиралась в прямоугольный двор. Со двора по мраморной лестнице можно было попасть непосредственно во дворец. У входа стояли другие стражники, расфуфыренные, словно попугаи. Рядом прохаживались герольд и мажордом, с неприязнью поглядывающие на балаган, творившийся во дворе.

А балаган творился в полную силу. Передвижной цирк разминался перед выходом. Комики репетировали несмешные сценки с гэгами пятисотлетней давности, вроде падения на банановой кожуре и пинков под зад. Жонглеры, факиры, акробаты крутились, вертелись, подпрыгивали, подкидывали в воздух разные предметы. Были и другие смехачи. Хромой дед с костылем, умеющий плевать ушами. Два близнеца, говорящие исключительно задом наперед и исключительно хором. Пожиратель тараканов с коробкой, в которой содержались приготовленные к поеданию бестии. Была девочка, умеющая корчить страшные рожи. Было нечто непонятного пола – сверху женщина, снизу мужчина... Словом, на что только не пойдет любящий родитель ради спасения своей кровиночки... Браги подумал, что по здравому разумению половину из этой артистической братии нельзя допускать к королевским покоям и на выстрел катапульты... Впрочем, мнения огра никто не спрашивал, тем более огра, бывшего инкогнито.

Тем не менее вся эта катавасия оказалась Браги на руку. На ее фоне можно было затеяться, посвятив время до своего выхода разведке. Посмотреть, что да как.

Едва Браги дошел до каменной скамейки, на которой собирался расположиться, к нему подскочил гном с носом, похожим на сливу.

– Эй, булыга! – пропищал коротышка. – Слышишь?

– Ну? – промычал огр.

– Будешь после этих, этих и вон той братии, – сказал гном. Его палец ткнул вначале в циркачей, потом в комиков, потом в группу артистов оригинального жанра. Дед, плюющийся ушами, сидел с мрачной миной. Девочка строила рожи, да такие страшные, что Браги почувствовал тошноту. Впрочем, это могло быть следствием похмелья.

– Идет, – ответил огр.

В этот момент на ступенях дворца появились два стражника, несущие под микитки какого-то типа в шляпе с пером. Тип громко вещал, что его не так поняли, совсем не так. Раскачав неудачливого комедианта, стражники швырнули его прямо на ступеньки, по которым он и покатился, ругаясь.

Массовая репетиция замерла, наблюдая за тем, как непонятый острослов был свергнут с вершин артистического олимпа. Девочка перестала корчить рожи. Браги заметил, что ее собственное личико мало отличается от того, что она мгновение назад изображала.

Острослов в шляпе с пером вскочил на ноги, отряхнулся, оглядел прочих соискателей и зашагал прочь с таким видом, будто пересчитывать ступеньки для него обычное дело. Впрочем, может, так оно и было.

Гном с носом, похожим на сливу, выругался. Потом высморкался. Репетиция продолжилась. Браги поглядел на скалящегося в усмешке герольда, стоящего у входа. Циркачи всем скопом ринулись внутрь. Пришла их очередь.

– Эй, булыга, а ты с чем идешь? – пискнул гном.

– Секрет. Страшная тайна.

Коротышка попытался рассмотреть лицо Браги под капюшоном и прищурил глазки.

– Ну-ну. Давай. Потом полетишь вот так же, как тот...

Огр усмехнулся, но ничего не сказал. Видя, что гигант не собирается вступать в дискуссию, гном ушел. Его работа в труппе комиков состояла в том, чтобы падать на банановой кожуре. Такой трюк, безусловно, морально и физически подготовит гнома к близкому знакомству со ступенями дворца...

Браги втихаря осматривался. И ждал. Циркачи выкатились из дворца минут через пять. Их гнали древками копий стражники. Разодетые в дурацкие костюмы артисты ругались и протестовали, пытаясь что-то доказывать рослым парням в доспехах. Их никто не слушал. Здесь уже побывало достаточно чудодеев, чтобы чьи-то таланты, и тем более оправдания, могли хоть кого-то заинтересовать.

Огр зевнул, решив немного покомарить. Для этой цели он прилег на каменную скамеечку. Она оказалась короткой. Пока огр ворочался, шум, издаваемый выдворенными циркачами, стих вдали. На фронт борьбы с принцессиной хандрой выступили комедианты. С собой у них был целый мешок дурно пахнувших банановых шкур.

Девочка, корчившая страшные рожи, устала репетировать и села на самую нижнюю ступеньку. Вытащила трубку, задымила и выругалась. Как сапожник. Браги присмотрелся. Оказалось, это вовсе и не девочка никакая... а художественный образ. Ампула, как говорят театральные деятели, которых огру приходилось встречать не единожды в своих странствиях. Соседом не-девочки, корчившей страшные рожи, оказался старик, плюющийся ушами. Его физия источала крайний пессимизм.

«С таким подходом к делу, – подумал огр, – и впрямь нечего здесь ловить».

Он уснул и увидел во сне большую кружку ледяного пива. Кружка эта поворачивалась и так и этак, возбуждая в огре дикую жажду, манила, подпрыгивала, словно девица на гулянье... И только Браги потянулся к ней, как его разбудили вопли.

Огр сел на скамейке и посмотрел из-под капюшона в сторону дворца.

Вопли эти издавало непонятное существо – полумужчина-полуженщина. Стражники собирались спустить его с лестницы. Оно вопило громче, чем все предыдущие претенденты, кусалось, лягалось, царапалось, взывая к совести и чести королевских слуг. Ничего не помогло. Существо покатило по мрамору.

Браги только сейчас понял, что теперь его очередь. Все остальные исчезли. Попытались рассмешить Гундиру в меру своих скромных возможностей и проиграли. Чего и следовало ожидать.

Долго же он спал! Браги встал и оправил на себе черный плащ, надеясь, что выглядит таинственно и солидно.

Полумужчина-полуженщина, хромая, заковыляло прочь, пытаясь сохранить гордую мину. Стражники, стоявшие на вершине лестницы, захохотали. Герольд и мажордом показывали пальцем на неудачливого комедианта и отпускали сальные шуточки.

– Ну, теперь ты, великан, – произнес, уткнув руки в боки, герольд. – Последний на сегодня...

Когда огр надвинулся на него, герольд попятился. Видимо, сначала не оценил размеры претендента.

– Как тебя кличут-то?

– Никак. Сие тайна великая есть, – прогудел Браги.

– Перед королем и принцессой предстать собираешься, – проворчал подошедший мажордом с золотой цепью на шее. – Так будь добр...

– Рыцарский обет не позволяет. Не извольте гневаться, господа благородные.

Мажордом и герольд переглянулись.

– Ну... Тогда пошли. Только... М-да... – Герольд оглядел фигуру Браги. – Каких только сумасшедших у нас не побывало за последнее время! Ладно... Одним больше, одним меньше.

– Сейчас вот вытолкаем и этого, пойдем пожрем, – сказал мажордом. – Appetit возрастает по мере увеличения количества смехунов, чтоб им было пусто... А уже почти два натикало.

– Ага, – отозвался герольд, указывая Браги на ведущие в тронный зал двери. – Прошу, уважаемый. Быстрее начнем, быстрее кончим... – Герольд и мажордом улыбнулись. Весьма паскудно. Не менее паскудно улыбнулись и стражники.

Но еще более паскудно улыбнулся сам Браги. Попытались бы они спустить с лестницы его!.. Браги поглядел бы на это. Что ж, скоро все и выяснится...

Огр протопал сквозь дверной проем. Уже отсюда он слышал противный писклявый голос.

Принцесса капризничала. Значит, самое время.

5

Тронный зал был прямоугольным. Шагов сто в длину и сорок в ширину. Банальная планировка. Высокие стрельчатые окна с витражами, потолки чуть не под небеса и пышная отделка. За годы странствий и общения с королевскими особами Браги повидал великое множество подобных мест. Это было чуть богаче и претенциозней большинства, но все равно вызывало жуткую скуку. Браги с трудом подавил зевок.

От входа до самого возвышения, на котором стояли два трона, бежала красная ковровая дорожка. Герольд дал знак. Иди, мол, вперед, а сам остался у двери. Огр пожал плечами и пошел. Пока его план не давал сбоев, но близился момент истины, то, ради чего он сюда заявился. Огр в который раз прокрутил у себя в мозгу речь, которую приготовил. Чем цветастей она будет, тем лучше.

Портила всё жажда, проснувшись после недолгой дремы. Огр крепился, утешая себя мыслью, что наверстает упущенное в «Игривом Окуне», когда покончит с королем и принцессой. В смысле с переговорами...

По обеим сторонам тронного возвышения и вдоль стен расположились придворные и вельможи, все в пестрых одеяниях, напоминающие издали стаю попугаев. Слишком блистающие и благоухающие, даже для такого места. Дамы обмахивались веерами, кавалеры поигрывали золотыми цепями и морщили носы. По толпе пробегал, словно морская волна, легкий шепоток. Явно заскучавшие и обалдевшие от артистического калейдоскопа, гости обсуждали свои собственные дела и делились планами на день. Им хотелось пить и есть. Но сначала – смыться отсюда к троллевой родительнице.

Браги шел к трону медленно, делая средней величины шаги, которые призваны были показать, что он не комедиант и не шут, а особа в высшей степени таинственная и не терпящая суеты... Шут, кстати, имелся у Ляпквиста свой собственный. Он сидел на ступеньках неподалеку от короля и дремал, обняв лютню с длинным грифом. Шапочка с пером поникла и едва держалась на плешивой голове. Браги подумал, что бедолаге повезло. Его первого должны были турнуть с должности при неудачной попытке развеселить Гундиру. Не турнули, однако.

На огра стали наконец обращать внимание. Разговоры прекратились. Дамы и кавалеры уставились на могучую фигуру в черном плаще с капюшоном. Множество ртов превратилось в удивленное «о», множество глаз вылезло из орбит или, наоборот, – подозрительно прищурилось. Браги знал, что на него сейчас смотрят все, включая царственных особ. Стало тихо. Шут, удивленный сим фактом, проснулся и захлопал глазами.

Браги чуть замедлил шаг, чтобы подогреть к своей персоне больше интереса. Придворные и вельможи спрашивали друг у друга: кто это такой? Шепот их был нарочито театральным.

Наконец огр остановился.

Ляпквист протер глаза и уставился на него. Тощий, костистый, с длинной остренькой бородкой, прореженной сединой. Корона владыки Пибадура съехала набекрень. Ее форма не очень подходила к форме королевской головы. В остальном Ляпквист был типичным королем, включая мантию.

Браги перевел взгляд на принцессу. Гундира не производила впечатления особы высоких кровей. Маленькая, веснушчатая, с голубыми тусклыми глазками и кривоватым ртом, завершала картину прочно поселившаяся на лице девицы недовольная гримаса. Дорогое, сверкающее золотом и драгоценностями платье, стоившее целое состояние, ничуть Гундиру не украшало. Оно шло принцессе, точно корове седло. Волосы, похожие на светлую паклю

и заплетенные в две косички, завернулись в крендельки по бокам головы. От этого вид у Гундиры-Несмеяны был еще более глупым.

Очень многие принцессы на памяти огра выглядели именно так, являясь полной противоположностью парадным портретам и людской молве, что приписывала им неземную красоту. И все же странствующий рыцарь почувствовал разочарование.

Принцесса надула губы и сидела со скрещенными на груди руками. Она пыталась выказать свое крайнее недовольство и безразличие ко всему, но Браги заметил, что ее глаза наблюдают за ним с интересом.

– Приветствуем тебя в королевском дворце, – произнес Ляпквист. Голос у него оказался писклявым. – Что же привело тебя, незнакомец, в наши края?

Огр поклонился.

– То же, что и всех остальных, Ваше Величество. Желание помочь.

Принцесса скривила губы. Гости в зале загудели, словно пчелиный улей. Огр краем глаза заметил скептические ухмылки и откровенно издевающиеся физиономии.

– А знаешь ли ты, как много было желающих рассмешить мою дочь? – спросил король.

– Знаю, Ваше Величество.

– Только что здесь были циркачи и комедианты. Профессионалы. Мастера своего дела. Талант на таланте. Но и им не удалось развеять жестокую хандру, которая гложет сердце Гундиры. Почему ты считаешь, что у тебя получится?

– Я прибыл из дальних земель, Ваше Величество. В своих странствиях я не раз удивлял и поражал моих собеседников, – ответил Браги глухим таинственным голосом.

– Знаем-знаем, – проверещала принцесса. – Голуби из рукавов! Кролики в шляпе! Километровая ленточка из кармана!.. Видали!

Король кивнул с многозначительным видом.

– Видишь, странник. Нас не так-то легко удивить. Не думаю, чтобы и ты, невзирая на свой плащ, мог бы предложить принцессе какое-нибудь чудо...

Гундира показала огру язык. «Кое-кому здесь пора повзрослеть», – подумал Браги.

– Я не занимаюсь чудесами, Ваше Величество, – ответил он. – Меня больше интересуют конкретные дела.

– Вот как? – удивился Ляпквист.

– Вот как? – пискнула принцесса, ерзая на троне. – Какие это дела? Рассказывай! Да поторопись, чтобы стражники могли побыстрее спустить тебя с лестницы!

– Расскажу. Но сначала хотел бы в присутствии свидетелей получить заверения Вашего Величества в том, что вы выполните свое обещание, – сказал огр. Помолчав, добавил: – Исполните любое мое желание.

Толпа гостей загудела сильнее. Какая-то дама захихикала.

Ляпквист пожевал губу и махнул рукой, ничуть не веря тому, что все это может осуществиться:

– Подтверждаю. Любое твое желание будет выполнено.

– Позвольте в таком случае представиться Вашему Величеству.

– Ну-ну... – прищурился король.

– У меня много имен. Во многих землях меня знают как Рыцаря Таинственности, Кавалера Благородства, Имеющего Честь Называться Странствующим Героем и Могучим Рыцарем, который победил множество драконов и чудовищ, спас дюжину королевств и бесчисленное количество принцесс. Также я есть Арбитр Чести и Рыцарь Железного Кулака, Блеститель Нравов, кои попираются охальниками и невежами. Не менее верно и то, что я – Рыцарь Заходящего и Восходящего Солнца, Кавалер Ордена Вечерней Звезды и Странник, Приходящий На Помощь Угнетенным. И абсолютно точно меня прозвали Единственной И Последней Надеждой и Совершеннейшим Воителем из всех, кого Рождала Земля! Я – Браги

из Шидама, сын Кеворна, внук Зеарма и потомок Беррибрандта Победителя Тьмы, прозванный Страшилой! Именно я буду тем, кто избавит Пибадур от чудовища, именуемого Проглотом. Победа будет одержана наичестнейшим и наиболее благороднейшим поединком при свете луны или солнца, в зависимости от того, как сложатся обстоятельства...

Вдали прозвенел колокол. Два часа дня. Браги решил добавить немного импровизации. – Мой обет исполнен. Подошло время! – изрек он патетически и торжественно.

Тронный зал, выпавший в осадок, не в состоянии был пошевелиться, замороженный таким количеством титулов и масштабом личности гостя.

Огр поднял руки, расстегнул плащ и одним движением сорвал его с себя, отбросив на пол.

Гробовая тишина. Словно в склепе. Браги ожидал именно этого.

Все смотрели на него. Челюсть короля отвалилась чуть не до пояса. Несколько дам, словно по команде, лишились чувств. Поймали далеко не всех. Две или три брякнулись на пол самым неблагородным манером. Вдали завыла собака. Струны на лютне шута полопались почти все, породив гулкое эхо. Ужас прокатился по тронному залу.

Огр подбоченился, упер руки в бока, выпятил грудь. На его камзоле красовался герб – черная латная перчатка на золотом поле. Железный Кулак.

– Хе-хе, – сказала принцесса. – Хе-хе-хе...

Никто вначале не понял, что с ней такое. Личико, усеянное конопушками, потеряло свою мрачность, разгладилось, глаза засверкали. Губы, до того изображавшие брезгливый зигзаг, растянулись в улыбку до ушей.

Уже через мгновение в гробовой тишине зала принцесса тоненько хохотала и дрыгала ногами, указывая на огра пальцем. Она была единственной, кто не испугался чудища, наделенного столькими титулами. Кто не воспринял всерьез всю эту сочиненную сегодня утром с похмелья словесную мишуру о Арбитре Чести и Блюстителе Нравов.

Именно на это и рассчитывал Браги. Комический эффект вызвала разница между тем, к чему привыкли обитатели дворца, и тем, что они видели перед собой. Полной уверенности в успехе у Рыцаря Железного Кулака не было, принцесса могла оказаться тяжелым случаем, но его ставка сыграла. Браги победил.

– Огр! Огр! – Гундира смеялась так, словно ее щекотали. – Огр – рыцарь! Рыцарь!.. Приходящий На Помощь Угнетенным! Чудовище – рыцарь! Только посмотрите!.. Чудовище хочет пойти побеждать чудовище!.. Ры... ры... рыцарь!!!!

Кончилось тем, что принцесса свалилась с трона. Она и на полу продолжала хохотать, держась за живот.

Король, похожий на человека, получившего хороший тычок под дых, глядел на дочь с открытым ртом. Через миг Ляпквист присоединился к Гундире и расхохотался. Зал грянул им вослед. Отовсюду набежали слуги, стражники, мелкие вельможи, которых не было в этот момент в тронном зале. Всем хотелось узнать, в чем дело. В дверях возникла давка.

Они смеялись и смеялись, тыкали в огра пальцами, хватались за животы, вытирали слезы, давились, краснели, кашляли.

Браги ждал. Истерики, вызванные весельем, проходят не так быстро. Подняв плащ с пола, огр отряхнул его и набросил на плечи.

Набежали фрейлины, подняли с пола Гундиру и унесли. Она еще извивалась и вопила, словно кошка, нализовавшаяся валерианки.

Теперь как минимум Браги может рассчитывать на исполнение желания...

6

Большой квадратный стол покрывали всевозможные яства и бутылки с вином. Королевские повара постарались на славу, чтобы угодить дорогому гостю. Принимали по высшему разряду, словно какого-нибудь иноземного монарха со свитой. Именно такое количество еды сейчас находилось на столе – человек на пятнадцать, не меньше.

Сам дорогой гость, ухватив целого жареного кабанчика, вцепился в его бок зубами. Ляпквист, стоящий у окна, наблюдал за Рыцарем Железного Кулака большими удивленными глазами.

– Ну, удружил, рыцарь! Удружил! Даже не знаю, как тебя отблагодарить!.. – в который раз произнес Ляпквист. Возбужденный, монарх вновь забегал по комнатухе. – Это же надо! А я сначала и не понял! Думал, это... маска, что ли! Ты не представляешь, сколько всяких шарлатанов сюда являлось! Некоторые требовали плату вперед... наглецы какие!

Огр молчал. Кабанчик был уж больно вкусный.

– Ну вот – думал, что кто-то переоделся... А потом думаю, что больно натурально выглядит!.. Ммм... Огр! Огр! Кхе... – Король остановился, поглядел на Браги и снова забегал взад-вперед. – Сегодня же по всему Пибадуру объявят, что прием претендентов окончен! Все! С меня хватит! Довольно! Гундира вернулась в норму...

– Подожди, Ваше Величество. Убедиться надо, – сказал Браги. – Может статься, она снова... В депрессию впадет.

– Не впадет, – ответил Ляпквист. – С Гундирой порядок. Сидит у себя в покоях, книжки с картинками рассматривает. Не ругается, не кидается в служанок подушками. Я ее знаю!

– Ну, значит, дело сбацали...

– Огр... Кхе! Огр... – Ляпквист подошел ближе, рассматривая рыцаря. – Ты... того...

– Ничего. Смотри, Ваше Величество...

– Чего уж. Просто – король.

– Ладно. Смотри, король. Знаю, что огров у тебя во дворце отродясь не бывало, потому ничего оскорбительного для меня нет... Отличить оскорбление от любопытства я умею. – Браги поднял кубок и приложился к какому-то весьма дорогому сорту белого вина.

– Да. Не было. И, понимаешь... Трудно представить...

– Понятно. Трудно представить огра, чудовище, в образе благородного странствующего рыцаря! – Браги выплюнул обломок ребра, проглотил мясо и сунул в рот пучок какой-то ароматной зелени. Проглотив и это, вцепился в здорового жареного угря в сметане. – Не впервой, король, мне такую реакцию выдывать.

– Да?..

– Ага. Сдается мне, один я такой – странствующий рыцарь в огрском обличье...

– А у вас в Шидаме нет других?

– Не знаю. Вообще-то я не из Шидама. Но это долгая история. Надо же как-то называться!

Ляпквист захлопал глазами.

– Но не сомневайся, король. Все настоящее. И рыцарство мое, и герб, и кое-что из того, чего я там наговорил... Только открыть всего не могу. Обет, стало быть. Не стой, повелитель, сядь, налей себе вина. Понимаю – стресс и все такое.

Ляпквист последовал совету огра.

– Так вот, о чем я... – Браги утер рот тыльной стороной руки.

– А что из сказанного тобой в зале правда?

– Ну... Меня в самом деле зовут Браги, а отца звали Кеворн. Где-то у меня лежит свиток с перечислением всех титулов, которыми награждали меня в разных землях за разные

оказанные услуги. Пожалуй, Рыцарь Заходящего и Восходящего Солнца и Железного Кулака – правда. Видишь герб? Остальное вранье...

– Вранье.

– Лень мне было лезть в свиток и смотреть, чего там написано...

– Ты и читать умеешь? – Король отчаянно приложился к кубку.

– Гы... Умею. Не всяк рыцарь умеет, знаю. Но вот оказия – чудовище грамоте обучено. – Улыбнувшись так, что стали видны все его зубищи, Браги закинул в рот целого жареного зайца. Ляпквист налил себе еще.

– А твой предок... Который Победитель Тьмы...

– Беррибрандт? Был такой. Однажды он победил в далекой Самнаиде злого чародея, наставшего на королевство тьму. Все уже было решили, что каюк им пришел, но тут нарисовался мой предок. Как гласит семейное предание и какие-то исторические хроники, королева той земли слезно умоляла Беррибрандта помочь самнаидскому народу. Ну он и помог, ибо благороден был сверх всякой меры. Даже денег не взял, хотя предлагали много. С тех пор прозвали Беррибрандта Победителем Тьмы.

– Огр! – в который раз выговорил король. – Кто бы мог... М-да... В общем, несмотря ни на что... Хм... – Ляпквист почесал затылок, краснея.

– Не стесняйся, говори.

Ляпквист стал еще более удрученным.

– Стар я стал, на покой хочу, – сказал монарх.

– Стар? Видал я старых королей...

– Стар. Не телом, так духом. Честно говоря, только между нами, огр...

– Могила!

– Надоело мне все это. Государственные заботы. Политика, экономика, этикет этот придворный. Поперек горла. Житья никакого нет. Только расслабишься, высказывает откуда ни возьмись очередной вельможный тип и начинает гнусить о важных делах. То надо, другое надо, третье... Нервная почесуха ото всего этого у меня.

– Сочувствую, – сказал огр.

– Так вот. Была у меня мысль. Что придет какой-нибудь достойный человек и рассмешит Гундиру. Может быть, и не был бы он благородных кровей, но отдал бы я за него принцессу. А потом и сам – на лоно природы, подальше от головной боли. Выращивать лук, капусту, сельдерей! Что, права не имею?

– Но таких людей не нашлось, – предположил Браги, с хрустом уминая соленые огурцы.

– Не нашлось. Два месяца... Сколько здесь перебывало всякого отребья! Брр... Вспоминать не хочется. Сегодня утром я подумал, что стошнит меня от всяких кривляний, при всех... Циркачи эти чесоточные, артисты оригинального жанра, чтоб им пусто было, – кто ноздрей исполняет «Спляшем, Пегги, спляшем...», кто гвозди в башку вколачивает, кто на стеклах валяется, кто утробой разговаривает да еще похабней некуда словечками сыплет... тьфу!

– Да уж.

– И все это я, король, должен терпеть?!

– Конечно, нет. Но ведь решить проблему можно другим путем. Традиционным. Сваты и все прочее. Если хорошо помню из рассказа моего друга, точно таким образом вышли замуж сестры Гундиры.

– Вышли, – понурился Ляпквист. – Но это чуть не свело меня с ума. Хотел я двух зайцев сразу убить. Рассмешить дочь и жениха найти...

– Но я оказался огром и не подхожу принцессе, – завершил мысль короля Браги.

– Сам понимаешь...

– Не бойся, король. Не обижаюсь я. И на руку Гундиры претендовать не намерен. Хотя моя специализация – принцессы и всякого рода девы, попавшие в беду, не подхожу я на роль избранника. Ежику понятно. Мое дело... кхе... подвиги совершать и странствовать. Вот закончу здесь все делишки и отправлюсь куда глаза глядят. – Кость под огрскими зубами издала громкий жалобный треск. Браги подмигнул Ляпквисту, и король улыбнулся. Отлегло от сердца, знамо дело... – Не мне советы давать владыкам, но сделайте все как раньше. Тогда смело можете на покой уходить. К картошке, капусте, сельдерю. Знал я одного короля. Он так и сделал. Правил-правил, потом посадил на трон своего зятя, а сам ноги в руки. Сбег от света и двора к едрене фене...

– О! – сказал Ляпквист. – Значит, такие прецеденты уже бывали?

– Полно.

Король налил вина обоим и выпил свою порцию одним духом. Удачный у него был сегодня денек.

– Так что же ты пожелаешь, рыцарь? Я обещал...

– Я еще думаю. Тут нельзя прогадать. Дело тонкое... Слушай, а ты не боишься, что молва о тебе пойдет, король? Мол, приветил чудовище, которое комедию перед всеми разыграло. Честь рыцарскую, значит, при всех втоптало в грязь, похваляясь подвигами?! Не просто так спрашиваю. Бывало!

– Понимаю. Не боюсь я. Хоть и не знаю, прости, каков ты в деле, но ничуть не сомневаюсь в твоих словах. А то, что ты сегодня совершил, это разве не подвиг? Я уже начал думать, что дочь моя совершенно тронулась разумом. Нашептывали мне запереть ее на веки вечные в башню, чтобы беды не накликают. Народ и так болтает невесть что. Известно мне, что Гундира у них стала притчей во языцех. Несмеяной прозвали, слышал?

– Да.

– Вот если бы ты, скажем, взял да победил на рыцарском турнире, я бы... Пойми, тогда бы у меня был повод для гнева. Огр! Вышел на ристалище и, пользуясь силой, побил всех противников. Уверен, не знал ты поражения нигде и никогда, великан... Это во-первых. Во-вторых, ничего бы в этом удивительного не было бы. Ну турнир! Ну и что? Мало ли турниров? Мало ли рыцарей? Чушь! А вот рассмешить девушку, это совсем другое дело. И наши пытались. Вассалы мои. Рыцари, графы, бароны, князья. Многие. Ничего не вышло. У одного каша во рту, ни слова не скажет толком, у другого комок навоза в черепушке вместо мозгов, у третьего доморощенного комедианта столько же чувства юмора, как в табуретке... Насмотрелся я на этот ужас. Изжогу заработал и ночные кошмары. Мечом и булавой махать каждый дурак может, если потренируется малость, а попробуй вот так!.. Потому мне и плевать на то, что говорить будут. Подвиг это, ничего больше! Потому что избавил ты меня и весь Пибадур от позора! В королевских анналах будет записано подробно и правдиво обо всем, я позабочусь!

– Благодарю за добрые слова, король. – Браги запусти пальцы в миску с нарезанным ананасом в собственном соку. Рыгнул. – А теперь давай поговорим о подвигах иного рода, тех, что больше приличествуют рыцарю в традиционном смысле слова. Когда надо мечом и булавой размахивать, сносить бошки и выпускать кишки.

Король не понял. Сидел и хлопал глазами.

– Я говорю о Проглоте, – напомнил огр. Выпив ананасный сок из миски, Браги взялся за баранье жаркое. – О чудиле, что сидит у дороги в Дарграм и закусывает путниками.

– А! Вот еще несчастье на мою голову. Уже болтают, что, если я не в силах справиться с напастью, какой я король! Даже, мол, с дочерью сладить не могу, а с Проглотом этим тем более.

– Слышал я, многие хоробры пытались его уделать.

– О да. Многих верных сынов потеряло королевство. А рыцари были не из последних, хочу заметить!

– Понимаем. Так вот. Я берусь за это дело. Награда в семь сотен золотых крон еще в силе?

– Подниму до восьмисот, – сказал Ляпквист.

Огр посмотрел на него, проверяя, не шутка ли. Не шутка.

– Тогда, можно полагать, договорились, а?

– Договорились, огр. По рукам.

Они скрепили деловой союз рукопожатием. Длань монарха утонула в ручище Браги. Король глупо улыбнулся.

– Теперь некоторые детали. – На место жаркого из баранины пришел большущий пирог с грибами и картошкой. – Кто-нибудь знает, почему появился людоед? Есть соображения какие-нибудь?

– Нет. Я советовался с чародеями. Все они плетут одно и то же. Нет никаких причин для появления чудовища... Взял да появился.

– Тоже мне, авторитетное мнение! – фыркнул Браги. Грибы и картошка брызнули у него изо рта. – Чародеи эти пробовали известить Проглота чарами? Замок обрушить ему на кумпол или спалить?

– Один пробовал. Ушел вечером, вернулся на рассвете, весь оборванный. Глаза дикие. Сказал, что не берут чары этого уroda трехглазого. И убежал, только пятки засверкали. – Порядком нализовавшийся Ляпквист улыбался все шире.

Поглядев на него, огр кашлянул.

– Причина тут, как мне думается, простая. Жил-был людоед. В одном месте жил-был, потом в другом, потом в третьем. Жрал, как водится. Как заканчивалась еда поблизости, перемещался на другие кормовые уголья. Так повторялось много раз, пока Проглот не очутился в Пибадуре.

При словах «кормовые уголья» лицо Ляпквиста несколько изменило цвет. В сторону зеленого.

– А то, что чары не берут урода, тоже не редкость. Монстры на то и монстры. Зато помогает меч – лучшее лекарство.

– Если бы меч помогал, то давно бы уже прикончили Проглота, – вздохнул король, глядя в кружку с вином. – Вдруг он бессмертен и неуязвим?

– Так не бывает. Какая-то слабина все равно имеется. Но ты не забивай себе голову такими подробностями, король. Это моя забота. – Пирог исчез в бездонной утробе Рыцаря Железного Кулака. Браги оглядел стол. Одни объедки.

– Когда же ты думаешь приступить, огр?

– Приступить-то? Хм... Ну, сегодня и приступлю.

– О!

– Вот именно. А пока я не приступил, давай, король, договоримся, чего же это я буду желать и чего ты будешь исполнять...

– Придумал уже?

– Ну.

– Говори! – Ляпквист скорчил серьезную мину. – Я – владыка королевства Пибадур! Мое слово тверже алмаза... Эээ... Ну и так далее. Загадывай!

Огр утер рот краем скатерти, огляделся. В комнате, где они сидели, была только одна дверь. И за этой дверью находились стражники. Как минимум двое. Значит, слушают в четыре уха.

Браги сделал королю знак наклонить голову. Ляпквист снова выдал глупейшую ухмылку, но принял правила игры. Огр прошептал ему свое желание и отстранился, чтобы посмотреть, как Его Величество намерен реагировать.

– Ого-го, – сказал Ляпквист. – Ну и задачку ты мне задал. Это ж...

– Любое желание, был уговор, – напомнил Браги.

– Эх... – Король заскреб в затылке. – Принцесса... Гундира не согласится...

– Почему? По-моему, я ей очень даже приглянулся. Шутка! Всего-то один разок. Малюсенький разок. Когда это случится, я урюхаю Проглота, получу восемь сотен золотых крон и отчалю в дальние края.

– Но ведь она... Вы...

– Не думай, король, я не возьму больше, чем надо.

– Почему же именно так?

– Это тайна! Обет. Есть на то у меня свои причины, король.

Ляпквист воздел очи горе, хлопнул себя по лбу, треснулся им о столешницу и вздохнул.

– Хорошо. Хорошо, я сделаю то, о чем ты просишь!

– Другое дело, король. Видно – человек слова, – ощерился Браги. – За тебя и прекраснейшую из принцесс!

Король припал к кружке с вином.

7

Место для свидания Ляпквист выбрал недурственное. В дальнем углу сада, рядом с мраморной беседкой, колонны которой заросли цветущим вьюном. Рядом был крошечный фонтанчик, посередине которого вздымал передние ноги единорог. Вода струйкой лилась из его рта.

Король заверил огра, что ни одна живая душа не помешает ему и Гундире. Он лично проследит за этим. Вероятно, имелось в виду, что шнырять в зарослях и подглядывать будет сам Его Величество. Огр ничего не имел против. Лучше король, чем жаждущие сенсаций и грязные на язык вельможи. Опасался же рыцарь исключительно за репутацию принцессы, а не за свою собственную.

Оглядевшись, огр добрался до беседки, попробовал втиснуться в нее, но оказалось, что он слишком велик. Остался стоять. В кустах что-то зашуршало.

– Ваше Величество, если принцесса расшифрует вас, вам будет стыдно, – сказал Браги. Шуршание повторилось, уже в отдалении, и было полно раскаяния.

– Вообще, предпочитаю без свидетелей, – добавил огр.

Королевское шуршание стало теперь еще дальше.

– С кем это ты здесь разговариваешь? – спросила Гундира, приближаясь к беседке.

Огр поклонился. Принцесса прищурилась, в ее глазах промелькнули искорки смеха.

– Позвольте...

Гундира позволила поцеловать себе руку. Галантность огромного чудовища поразила ее больше, чем представление, устроенное им в тронном зале. Принцесса зарделась, словно алая роза. Огр улыбнулся, стараясь, чтобы это не выглядело очень уж кровожадно. Впрочем, он не думал, что этим можно испугать королевское дитя.

– Кто бы мог подумать? Монстр! И рыцарь в одном лице! Я не читала об этом ни в одной книжке.

– Сказку о вашем покорном слуге еще не придумали. Но, возможно, однажды какой-нибудь ненормальный это сделает, – сказал Браги. Он провел принцессу в беседку, а сам остался стоять рядом.

Гундира стала другой. Платье на ней было простым. Серебристый бархат с золотым шитьем. На бедрах кожаный пояс без украшений, на шее ожерелье из мелких бриллиантов. Самая же крупная перемена произошла в ней самой. Будто исчезло, развеялось дымом какое-то злое заклятье, искажающее ум и сердце, словно в кривом зеркале. Браги видел не очень красивую, но милую и обаятельную девушку. Ничего в ней не было от того капризного и злобного существа, что сидело в тронном зале.

– Вы не хотите попасть в историю? – спросила Гундира. – Хотя бы в качестве сказочного персонажа?

– Ваше Высочество, есть вещи на свете, на которые я повлиять не могу. Согласитесь, было бы совсем бессовестно – писать сказки про самого себя... Время покажет. Если вспомнят о моих подвигах лет через триста, хорошо, не вспомнят, так не обижусь.

– Скромный и рассудительный огр, – улыбнулась девушка. – Об этом стоит написать сказку. Или хотя бы балладу.

Браги подивился. Принцесса, это еще недавно маленькое чудовище, которому едва исполнилось пятнадцать, рассуждала, словно зрелая женщина.

Огр молчал. Все слова внезапно вылетели у него из головы. Он привык к общению с принцессами, но иногда даже самые простые из них вдруг ставили его в тупик.

Вдалеке снова раздалось деликатное королевское шуршание.

– Много ли в наше время чудовищ, которые становятся рыцарями? – спросила Гундира.

– Нет, Ваше Высочество. Чудовищ... точнее, существ нечеловеческого происхождения много, но рыцарей, пожалуй, нет. Вероятно, я один такой, – ответил Браги.

– Значит, ты знал, что я рассмеюсь?

– Был уверен.

Гундира посмотрела на него.

– Но ведь меня пытались рассмешить мастера своего дела. Иногда у них почти получалось.

– Я просто пошел и сделал.

– Значит, тебе известно о награде, которую обещал мой отец за то, чтобы Несмеяна стала прежней. – Глаза в угол, на нос, на предмет... О! Гундира знала технологию. Огр улыбнулся, поскреб щеку нарочито неблагородным образом. Принцесса прыснула в ладошку.

– Известно, Ваше Высочество. Молва распространяется широко.

– Что же ты загадал? Почему папа позвал меня сюда?

Принцесса кокетничала. Браги такое уже видел. Раз в тысячный, наверное. Многих одуревших от куртуазности и дворцовой скуки девиц со страшной силой влекли разные экзотические типы. Эльфы, полурослики, тритоны, кентавры. Огр не был исключением. Для принцесс, не видевших ничего, кроме замкового двора, заваленного куриным пометом и соломой, общение с монстром было шансом обрести незабываемый жизненный опыт. Сколько сказок существует на эту тему, подсчитать невозможно. Если не притормозить вовремя, может случиться неприятная оказия. Самому Браги не раз и не два приходилось отбиваться от чересчур назойливых девиц, спасенных им из лап дракона или пьяного тролля, живущего в пещере. Границы принцессиных благодарностей готовы были раздвинуться на nepозволительную ширь...

– Я скромный воитель, странствующий по дорогам разных королевств. Ночую в чистом поле. Под дождем. Снегом. Градом. Палящим солнцем...

Глаза Гундиры округлились. Очаровательно. Браги соорудил благородно-романтическую физиономию, насколько позволял ему его нынешний облик. Обычно это действовало.

– Мой священный долг – творить добрые дела, ибо я – Браги из Шидама, Рыцарь Железного Кулака. Подвиги – цель моей скромной жизни. Я – огр, не человек, но что такое рыцарская честь, я знаю хорошо...

«Заканчивай, – подумал Браги, – уже челюсти сводит! Зевота того и гляди нападет... Сегодня надо еще успеть угрохать людоеда!»

– То есть ты попросил у папы мешок денег?

– Нет. Не попросил, – нахмурился огр. – И почему «то есть»? Из того, что я сказал, этого не следует.

Гундира расправила несуществующие складки на подоле своего платья.

– Ну...

– Моя награда самая скромная. Поцелуй девы. Той, что я спас или расколдовал... Или, как в этом случае, рассмешил.

– Ага, – сказала Гундира, – значит, все-таки не так уж и мало! – Ее пальчик ткнулся в большущую фигуру. – Поцелуй девы?!

– Именно так, Ваше Высочество! – Огр поклонился со всей доступной ему куртуазностью.

Шуршание в кустарнике повторилось. Гундира покрылась густым здоровым румянцем и снова занялась несуществующими складками платья.

– Я читала об этом. Поцелуй девы может расколдовать монстра...

Браги крикнул. Разговор принимал опасный поворот. Не любил огр выкладывать перед малознакомыми принцессами (и не только) свои козыри.

– На это я не претендую, Ваше Высочество, – ответил Браги.

– А разве такое может случиться? – Принцесса посмотрела прямо ему в глаза.

– Сад и дворец полон ушей. Не будем рисковать репутацией друг друга. Если Ваше Высочество изволит даровать скромному странствующему рыцарю поцелуй, он примет его со смирением и благодарностью. После этого рыцарь поедет на бой с Проглотом и...

– Проглотом? – подскочила Гундира.

– Ну. Мы договорились с королем...

Принцесса уже не могла сидеть спокойно на одном месте.

– Поцелуй! Сколько угодно, благородный рыцарь!

– Э...

Гундира повелительным жестом заставила огра опуститься на одно колено. Браги считал, что уговаривать ее придется долго, и боялся перегнуть в этом деликатном деле палку.

Оказалось, все просто.

Принцесса на миг замялась. Видимо, считала, что требуется изречь что-нибудь торжественное. Браги ждал. Такие моменты, пожалуй, не менее трудны, чем выдержать первую атаку разъяренного дракона.

– Не убивай Проглота, рыцарь, – сказала Гундира шепотом, наклонившись к огру.

– Что?

– Дай ему... по голове... Но не убивай!

– Я не понимаю, Ваше Высочество...

Впрочем, нет. Он понял. Давно понял, только не хотел признаваться себе. Вопрос упирался в то, из-за чего Гундира вдруг заделалась Несмеяной.

Теперь огр знал.

Принцесса говорила шепотом. Рыцарь Железного Кулака, прозванный Страшилой, кивал. Затем на вопрос, заданный девушкой в конце, огр ответил утвердительно.

Потом она поцеловала его. В губы.

Ничего не произошло. Снова. Страшила остался Страшилой.

8

– Значит, опять тебе не повезло, – сказал Оззи Лаффинбуг, подпрыгивая на месте. – Поцелуй принцессы не сделал тебя человеком!..

Полурослик беспрестанно вертел головой, осматривая притихший лес. Тропинка, что змеилась между пригорками, поросшими можжевельником, вела от дороги к замку, где засело чудовище.

– Выходит, так, – отозвался огр.

– Может, она не была... как бы это сказать? Девой? – спросил, хихикнув, Оззи.

– Это не имеет никакого значения. Сказок ты, брат, начитался.

Браги затянул ремни брони, состоящей из заходящих одна на другую пластин, повел руками, присел, проверил поножи и сапоги. Нигде не жмет, ничего не скрипит. Потом взял шлем с забралом и водрузил на голову. Готовился Браги к бою обстоятельно.

Полурослик посмотрел на разложенные на куске мешковины боевые рыцарские приспособления. С тех пор как дороги приятелей разошлись, обмундирование Страшилы сменилось почти целиком. Многие пришли в негодность, и огр был вынужден покупать новое. У Браги были свои мастера-оружейники, поэтому почерк создателей доспехов и оружия был Лаффинбугу знаком. Глянув на огромный двуручный меч, поднять который вряд ли было под силу человеку, Оззи прикинул, что, если Браги возьмет с собой эту штуковину, Проглоту точно придет конец.

Но огр проигнорировал меч. Натянув большущие латные перчатки, Браги стал примеряться к палицам, которых в его арсенале было три. Выбрал ту, что полегче и без шипов.

– С этим пойдешь? – спросил удивленный полурослик. – На людоеда?

– Ага.

– С ума съехал!

Огр поглядел на него сверху вниз, сквозь горизонтальные прорезы забрала.

– Не забывай. Я – рыцарь. Таких Проглотов я ем на завтрак по четыре штуки враз...

Оззи нервно захихикал. Издали ему ответила воплем какая-то птица. Полурослик побледнел, отчего его рыжие волосы стали еще более рыжими.

– Что это такое? – спросил Лаффинбуг.

– Похоже на выпь, – ответил огр, нюхая воздух. – Хм... Когда ветер дует с юго-запада, пахнет жареным.

– Проглот. – Оззи позеленел. – Готовит кого-то себе на ужин.

– Наверное, тогда стоит подождать, когда он нажрется, – прогудел из-под шлема Браги.

Полурослик отвернулся и привалился к дереву. Огр подбросил палицу на руке, продел запястье в кожаную петлю. Потом засунул за оба голенища по кинжалу.

– Ох, рискуешь, рискуешь, брат, – простонал Оззи. – На твоём месте...

– Ты не на моем месте, – ответил огр, – поэтому не сравнивай. Бери лошадей и уходи. Как закончу, приду к «Игривому Окуню». Все. Ступай. – Браги привязал остатки снаряжения к лошади и вручил поводья Лаффинбугу.

Полурослик посмотрел вслед уходящему в сторону замка огру и вздохнул. Браги, конечно, силен, ловок и обладает опытом, но даже ему Проглот может оказаться не по зубам... Оззи прибавил шагу, стараясь уйти как можно дальше, и лошади – першерон и вьючная, а также пони Лаффинбуга – побежали резвее.

Вдали снова завопила птица. Впрочем, полурослик не знал птиц, которые издавали бы такие звуки.

9

Чем дальше, тем дорога к замку была шире. Однако никак не чище. Первые кости стали попадаться Браги на расстоянии метров пятидесяти от виднеющегося на опушке менгира. Здесь и там валялись фрагменты скелетов и черепов. Люди, нелюди, лошади. В траве и хвое большая часть останков успела полностью очиститься от плоти. Муравьи постарались.

Огр остановился и при помощи палки растормошил верхнюю часть чье-то туловища, лежащего у обочины. Кости застучали одна о другую. Заскребли остатки разломанного и проржавевшего панциря. В разные стороны поспешили жуки, муравьи и длинные многоножки, отливающие янтарем. Когда-то это был рыцарь, теперь – нечто непонятное, со следами ударов чего-то тяжелого и толстого. Имелись и отметины от зубов. Больших зубов, конической формы.

Браги прикинул. Судя по величине зубов, Проглот должен быть на пару голов выше его. Такое чудовище, пожалуй, способно навести страх на кого угодно. Скорее всего, оно похоже на тролля, только малость переросшего. Пасть огромная, голова большая. Пользуется Проглот чем-то вроде палицы, которой запросто дробит кости, так же как панцири и щиты. Легко.

До носа Браги опять долетел запах готовящейся еды. Что-то варилось в котелке, с базиликом, кориандром и перцем. Должно быть, Проглот гурман.

Огр снова взглянул на останки рыцаря. Часть костей руки была расщеплена вдоль. Так делает тот, кто добирается до спинного мозга. Значит, чудовище не брезгует сырятиной и может в случае чего закусить прямо на месте.

Дальше – больше. Среди грудных клеток и черепов лежали порванные конские попоны, плащи, обломки копий, мечей, щитов. Мертвые лошади, полуобглоданные, скалили зубы. Животные тоже были искалечены людоедовым оружием. Видимо, Проглот сначала сшибал коня с ног, а потом уже добивал обоих на земле. Попадались и разломанные фуры, раздавленные колеса, разодранные тенты, разбитые бочки, остатки сгнившей провизии, разбросанные товары, одежда, конская упряжь. В одном месте лежала бочка, из которой высыпались новенькие, покрытые маслом подковы. Оззи говорил, что Проглот не брезгует грабежом. За два месяца в его убежище должно скопиться порядочное количество барахла. Обычно так и бывает. Чудовища волокут к себе в логово все подряд, невзирая на то, что большая часть награбленного им не пригодится. Однажды Браги взялся избавить небольшой городок на севере Гульбеймы от тролля, поселившегося в пещере. Потом, когда разбировали завалы из его трофеев, местные обнаружили у разбойника, обожавшего укорачивать или удлинять путников на особом ложе, тысячу штанов разного пошива и разного фасона. Хоть лавку открывай. Сам тролль штанов не носил. Ему просто нравилось коллекционировать трофеи.

Огр добрался до менгира, стоящего там, где кончался лес и начиналась открытая площадка перед замком и крепостным рвом. Каменистая земля сплошь покрылась костями. Разбитыми, раздавленными. С некоторых еще не целиком сошло мясо. Муравьи и мухи трудились вовсю. К запаху супа прибавилась гнилостная вонь. Возле замка происходили главные бои. Здесь рыцари звали Проглота на бой. Здесь находили свою смерть.

Над въездом в полуразрушенный замок торчали насаженные на копья головы смельчаков, которым не повезло. Черные птицы пировали, сдирая с черепов мясо. На стене, по обеим сторонам въезда, колыхались на ветру накидки и знамена, пропитанные запекшейся кровью.

Огр направился прямо к замку. Не скрываясь. Под его ногами скрипели кости и мелкие камешки. Проглот уже должен был услышать о его приближении.

Ветер выл в пустых залах замка. Часть стены обвалилась и поросла плющом. Донжон походил на гигантскую, срезанную наискось колонну. От такого вида даже у огра мурашки бежали по спине.

Браги взвесил свою палицу в руке, крутанул ею, сплюнул на ближайший череп.

– Эй! – прокричал он громовым голосом. – Проглот! Выходи!

В глубине замка словно кто-то вздохнул. Камни задрожали. Огр уткнул руки в бока и ждал.

– Кого еще нелегкая принесла? – прорычал не менее громоподобный голос.

– Выходи, уродец, узнаешь!

Камни снова задрожали. По земле прокатилась судорога.

– Кто это такой смелый выискался, интересно? Еще один герой, что ли? И не надоело вам, дурачью, таскаться сюда? – загремел Проглот. – Конец для всех одинаков – кишки выпущу!

– Это мы еще посмотрим! Выходь!

– Ну, ты сам напросился!

Черные птицы с воплями взлетели с насаженных на копья голов и расселись на стенах и башнях.

Замок задрожал от шагов. Проглот приближался, ворча и ругаясь. Со стен сыпались мелкие камешки. «Впечатляет, – подумал огр, – те, кто еще ничего не решил, могли смяться во время такого представления. Впрочем, шансом пользовались немногие. Об этом говорят разбросанные повсюду кости».

Проглот появился в воротах. Он был не таким высоким, как предполагал Браги, зато широким, что твоя винная бочка. Башка, словно дыня, рот усеян коническими зубами. Надо ртом нос – две дыры – и три глаза. Еще у него были небольшие рожки и торчащая дыбом черная шевелюра. На шее – ошейник из металла с насеченными по окружности значками.

– Ну, кто здесь гундит? Кто мешает мне ужинать?! – рявкнул Проглот.

Его взгляд остановился на Браги. Все три глаза прищурились. Толстые губы чудовища разошлись.

– А ты будешь побольше иных, да? Посочней да пожирней! Может, мне повезло, что к ужину пришла такая закуска?! Пожалуй, да, повезло. Откроешь морду-то?

– Зачем тебе?

– Да ты не человек! – заурчал Проглот. – Тролль? Или большущая жаба?

– Кто бы говорил насчет жаб! Меня зовут Браги из Шидама. Я – Рыцарь Железного Кулака, прозванный Страшилой! Взялся урюхать тебя, потому как занимаюсь этим всю жизнь – по призванию и необходимости!

Проглот оскалил несимпатичную морду.

– Всяких встречал, да, всякие здесь передо мной представления разыгрывали! Честные и благородные, по призванию и необходимости! А погляди, где они. Кто они?

– Мне на них плюнуть и растереть, – ответил Браги. – У меня своя работа. Давай, выходи на бой. Некогда рассусоливать!

Проглот захохотал. Черные падальщики в ужасе разлетелись кто куда. Эхо от омерзительного голоса чудовища разлетелось далеко и замерло где-то в лесу. Огр даже не пошевелился. Проглот поглядел на него, заскрежетал зубами. Трюк не сработал.

– Значит, и вправду ты жизнь свою решил псу под хвост бросить, – сказал урод.

– О своей побеспокойся. Не лезь в чужую. На мой взгляд, загостился ты в этом замке. Пора переезжать и садиться на диету...

– Чего? – зарычал Проглот. Откуда-то из-за спины он вытащил булаву, утыканную здоровенными железными шипами. – Может быть, это ты будешь тем смельчаком, который посадит меня на диету?

– Почему бы и нет? – хмыкнул огр под забралом. – Не впервой.

– Ну держись! Я зажарю твою печень!

Проглот атаковал. Длинным прыжком, оттолкнувшись с места. Загудела его дубина, которой он взмахнул в полете. Подобная атака, почти неуловимая, была, конечно, смертельна для всадника. Даже самого ловкого. Всадника-человека. Вероятно, Проглот большинство своих противников убил именно так – в первые две-три секунды. Но Браги не был человеком, к тому же опыта имел побольше, чем большинство собратьев по странствованиям. Он не стал отбивать, а отошел, развернулся и пропустил над головой дубину Проглота. Людоед врубился ногами в каменистую неверную землю. Его грубые пятки заскользили по ней, и в это время Браги саданул свой палицей чудовищу сзади по коленям. С воем Проглот грохнулся навзничь.

И тут же вскочил. Огр подумал, что, пожалуй, недооценил скорость его реакции. И ярость. Колдовская сила, формирующая такой на редкость отвратный облик, была плотной. Чары сплетены словно кольчуга гнома-мастера, колечко к колечку. Не так просто расшибить. Каждый подобный случай был индивидуален, и, бывало, огру приходилось прибегать к магическим средствам, позаимствованным у волшебников. Сейчас же Браги надеялся, что уходить и возвращаться не придется. Все решит ловкость. И сила.

Надо импровизировать.

Проглот клацнул зубами, прыгнул на огра, но получил могучий хук справа тяжелой латной перчаткой. Чудовище ухнуло на землю, размахивая руками и ногами, точно перевернутая черепаха.

– Чего ж ты так орешь? – поморщился Браги. – А, понимаю, ни разу не получал сдачи! Обидно стало?

Глаза Проглота выскочили из орбит, дико вращаясь. Дубина запела страшную песню. Ржавые шипы рассекали воздух возле головы Браги. Огр отбил двумя блоками два удара, потом пнул людоеда в живот и добавил туда же хорошим тычком круглым навершием палицы.

– Сожру!

Бац! Еще один удар по рылу. Проглот взвыл. Огр ударил что есть сил своей палицей по его шипастой дубине. Та полетела прочь. Людоед лязгнул челюстями. Браги увернулся, дал ему хорошего пинка под зад и заставил упасть еще раз. Как ни силен был урод, его силы начали таять. Изначальная скорость атаки упала вполовину. Теперь главное измотать Проглота, загнать в ловушку, где он будет выполнять все, что требуется Браги.

Ясно, что с драконом несчастному убогому «красавчику» не сравниться. Мелкота. Дилетант. Угрохать его Браги мог бы одной левой.

Проглот вскочил и, разинув бездонную зубастую пасть, бросился на огра. Из пасти воняло выгребной ямой. Браги встретил чудовище увесистым ударом палицы по голове. Отскочил в сторону. Проглот упал, перекувырнулся через ушибленную башку. И получил еще. Из трех глаз полетели искры. Проглот замахал руками и задрогал ногами.

– Так ты все не угомонишься? – фыркнул Рыцарь Железного Кулака.

Проглот выл и рычал, оглашая развалины замка и лес. Огр врезал ему еще несколько раз. Оглушенное чудовище пускало слюни и мотало головой.

– Ну вот, а вы говорите – ужас!

Браги наклонился над слабо шевелящимся монстром и ухватился обеими руками за его металлический ошейник, покрытый какими-то значками. Хватило одного рывка, чтобы сломать крепежную заклепку. Огр разогнул ошейник и, сняв его, отшвырнул в сторону. Догадка Браги была верна. Тот, кто заколдовал этого бедолагу, вложил всю силу в эту железку.

Проглот перестал быть Проглотом. Сдулся, уменьшился, похудел в несколько раз, чтобы стать тощим, покрытым грязью и царапинами юнцом. Черные волосы, впалые щеки. Два глаза. Огр хмыкнул.

Расколдованный спал с открытым ртом. Браги решил пока не мешать ему и отправился в замок. Воняло там, словно на старом поле битвы. И немудрено. Всюду в комнатах замка были кости и черепа – людей, гномов, koboldов, эльфов, полуросликов. В углах, на лестницах, в коридорах, на подоконниках высоких стрельчатых окон. Браги заметил несколько аляповатых скульптурных композиций, сделанных из позвончиков и тазовых костей. В свободное время Проглот занимался искусством...

Главный зал походил на свалку. В дальнем его конце лежала груда сокровищ. То, что монстр награл на дороге. Повсюду объедки. Обглоданные руки, ноги, выскобленные черепа. Куски плоти, жилы, хрящи – то, что не доел Проглот, досталось крысам и мышам.

Была и кухня. На крюках висели полуразделанные туши. На разделочной доске, в которую был воткнут нож, лежало чье-то бедро. В котле, из которого и шел запах, варились человеческие головы.

Браги радовался, когда выбрался из замка на свежий воздух. Расколдованный сидел на земле и потирал ушибленную макушку. Было видно, что ему досталось. Огр подошел к нему и скрестил руки на груди.

– Привет!..

– Монстр! Чудовище! – завопил расколдованный, пытаясь убежать.

Браги сгреб его за шкуру и прижал к себе.

– Ты совершенно прав. Я – чудовище! Пошли!

10

– Вся округа гудит! Не помню, чтобы такое было! – сказал Оззи Лаффинбуг, отхлебывая пиво. – Все только и говорят о том, что ты совершил! Мол, угрохал чудище!.. Ну, якобы угрохал! Освободил округу от ужаса, сделал дорогу проезжей... А я заполучил обратно свое химерейское вино! Проглот, поганец, не успел все выдуть. За что тебе моя огромная благодарность.

– Брось! Мы же приятели, – сказал огр, расправляясь с огромным жареным сомом. – Моя работа – и всё. К тому же с королем у меня был договор. Восемь сотен золотых крон, одна крона к другой.

Оззи подлил Браги пива. Они чокнулись. Полурослик до сих пор наслаждался отсутствием своей женушки Инии. И еще он думал о том, как возрастут его доходы, когда возле ворот таверны появится табличка с уведомлением, что в «Игривом Окуне» любит останавливаться знаменитый Браги из Шидама по прозвищу Страшила...

– Ну расскажи, как все было, – попросил полурослик. – Откуда стало известно, что это не просто чудовище, а заколдованный принц? Говори, иначе я скончаюсь от нетерпения. Полурослики – любопытный народ.

– Это уж точно! – ухмыльнулся огр. – Больше половины толпы, что осаждают сейчас таверну, твои сородичи. Но я не люблю громкую славу, сам знаешь, хотя и вращаюсь частенько при дворах... Издержки профессии. – В утробу Браги провалилась большая ложка баклажанной икры. – В общем, все началось с нашего свидания с принцессой. – Огр оглянулся на выход из кабинки, закрытый пологом. В общий зал пока никого не пускали, многочисленная родня Оззи сдерживала натиск любопытных. Любопытные наседали, невзирая на табличку «Закрето». – Надеюсь, ты не будешь трепаться, что я расколдовал монстра, а не убил...

– Могила, брат, – заверил полурослик.

– Ладно. Как только Гундира услышала, что я собираюсь пойти на Проглота, она прямо чуть из платья не выпрыгнула. И дальше разговаривала со мной шепотом, чтобы ее сиятельный папашка не услышал. Потому что это, оказывается, тайна. И верно, ни Ляпквист, ни его придворные, что называется, ни в зуб ногой. Дочка-то шустрая оказалась, да еще шустрее был тот, кто пробирался в ее дворец и... Ну, детские забавы, Оззи. Дело известное. С некоторых пор стали проявлять к принцессе интерес иностранные принцы и вдовы короли. Все знали, что есть у Ляпквиста третья дочка и возраст ее уже подошел к нужному. Однако сам король не спешит с объявлением... То есть не спешил раньше, теперь, думаю, все налажено. Короче, приходили некоторые принцы сами, без приглашения. И этот был тоже – своим ходом явился. Эдмир из Гафьога. Молодой, молоко на губах не обсохло, однако с гонором, с авантюрной жилкой. Пришел и попросил у Ляпквиста руки девицы. Король указал ему на дверь. С этим маленьким княжеством наш монарх не особенно желал связываться. Но Эдмир – не дурак, сумел каким-то образом влюбить в себя Гундиру. Деваха-то ночи не спала, все думала об этом парнишке... Кхе. Словом, они стали встречаться. Эдмир пробирался во дворец, лазил в девичьи покои, ничего не боялся, всех провел, шельма... И долго ли было так, никто не знает, только один раз приходит Эдмир к милой своей и рассказывает забавную историю. Встретил он, дескать, на пустынной дороге колдуна. Не знал парень, что это колдун был, потом уже все выяснилось. Попросил этот колдун, с виду просто грязный старикашка, у молодца кусок хлеба. Тот дал. Потом сыра. Тот дал. А потом говорит колдун: хлеб твой горек, малец, а сыр протух. Нет, сказал принц, брешешь, старикан! Пакостной личностью оказался этот чародей. Заявил он парнишке следующее: отныне ста-

нешь ты немил людям, все будут бояться тебя и в ужасе бежать прочь. Станешь ты голод чужой плотью утолять и не насытишься никогда... Такая вот история, Оззи.

Огр зачерпнул из блюда оливок и бросил их в рот.

– Вот так да, – сказал полурослик. – Добрая душа, видать, был Эдмир. Другой бы пинка дал этому бродяге. Эх, благородство! А дальше?

– Посмеялись принц и принцесса, разошлись, а следующее свидание уже не состоялось. Превратился Эдмир в чудовище трехглазое, в людоеда, в Проглота. Обезумел, позабыл, что значит быть человеком. Монстр – одним словом. Ну и началось. Поселился в заброшенном замке и давай нападать на путников. И жрать их. С тех пор Гундира и впала в депрессию. Несмеяной стала. Смекнула она, кто такой Проглот, поняла, что исполнилось проклятье колдуна. Откуда ж тут веселье? Два месяца лютовал монстр, два месяца кручинилась принцесса. Пока я не заявился. И больше не мое представление ее рассмешило, а слова, что я собираюсь прикончить Проглота. Увидев меня, Гундира поверила, что на этот раз получится... Многие ходили на чудовище, но Проглот их убивал. Никто из них, однако, не походил на пресловутого Страшилу, то есть на меня!

– Это точно.

– Ну а дальше ты знаешь. Гундира рассказала мне их с Эдмиром историю и попросила расколдовать Проглота. Не убивать. Пришлось не убивать. Сорвал я с него железный ошейник, на котором заклятье держалось. Что-то вроде замка. Видать, отыскал колдун Эдмира после превращения – и окольцевал. Да, сдается мне, сожрал его наш принц. Первым. Поделом, значит.

Оззи Лаффинбург утер пивную пену с губ.

– Вот так история. Как же теперь Эдмир с Гундирой-то?

– Поженятся. Принцесса настояла. Ляпквист не особенно-то и отпирался. Зов огорода и всяких там огурчиков-помидорчиков почувствовал, стало быть.

– Так он это всерьез?

– Ага.

– А Эдмир-то?.. Стольких ведь... того...

– А ты молчи. Никто не знает, что он – это бывший Проглот, – прошептал огр. – Не твоего, считай, ума дело. Хе... Теперь бедняга все травками питается. При упоминании о мясе бледнеет, а потом зеленеет. Видать, придется двору при новом короле в вегетарианство переходить. Но это уже другая история.

Оззи заел пиво копченым окороком.

– Жаль, что не получилось у тебя и на этот раз, – сказал он. – Еще один поцелуй – и еще один провал.

– Не важно. Впереди еще много попыток. Много способов. И принцесс немало. Никогда не поздно стать человеком, Оззи. Эдмир-то уже понял...

Оззи откинулся на спинку стула и мечтательно воздел глаза к потолку, но через мгновение подпрыгнул. Благостное выражение исчезло с его лица, глаза выпучились.

– Ты чего? – спросил огр с набитым ртом.

В гул голосов, доносящийся из общего зала, вторгся другой голос. Высокий, пронзительный. Этот высокий и пронзительный ругался и отчитывал нерасторопных полуросликов.

– Иния вернулась! Чтоб мне провалиться! Иния вернулась! Но... она не должна была раньше, чем послезавтра! Иния! Я пропал! – простонал хозяин «Игривого Окуня», бледнея.

Оззи Лаффинбург всплеснул руками, соскочил со стула и ринулся бежать навстречу любимой женошке.

Огр расхохотался.

Часть вторая Озерный рыцарь

1

– О горе мне, горе! Горе! – простонал качающийся в седле всадник, выезжая на берег озера. – Ик... Горе мне!

От воды шла холодная, пронизывающая до костей хмарь. Туман окутывал прибрежные заросли, покрывал неподвижную гладь воды. Двигался, словно живой.

Зирвент из Фингабора чувствовал себя хуже некуда. Он ехал всю ночь, точнее, лошадь несла его куда-то, а он спал, чудом держась в седле. Вечеринка с приятелями-вагантами закончилась в полночь. Как только Зирвента усадили на лошадь, он отрубился. Несколько раз его стошнило, поэтому куртка, седло и бок животного успели покрыться вонючей коростой. Запах был тот еще.

Затем, как это всегда бывает, наступил отходняк. Головная боль, слабость, трясун и чувство, что в животе кто-то помешивает здоровенной ложкой. Зирвент понял, что все еще едет. Едет и едет. И никогда эта проклятая езда не кончится...

Вагант стонал и охал в предутренней тишине. Никто на помощь не пришел. Его трясло. Страшно хотелось пить. Похмелье и холод скрючили беднягу, и он торчал в седле, словно засохший стручок фасоли. Если бы лошадь сбросила его, он был бы только рад. Но лошадь была покладистой. Она просто шла, пока лесная тропинка не вывела ее к озеру, за которым виднелись покрытые синевой горы.

В конечном итоге жажда одолела и животное. Лошадь остановилась, понюхала воздух и нерешительным шагом направилась к воде.

– Горе... Чтоб я сдох... Больше никогда не буду так напиваться... – пробормотал Зирвент и поднял голову. Черепную коробку кто-то набил камнями. На одеревеневшей шее она держалась с большим трудом.

Воспаленными красными глазами вагант огляделся. Лошадь приблизилась к воде, фыркнула, раздула ноздри. Ей не очень нравилась аура, окружавшая это место, но жажда победила.

Зубы Зирвента отбивали стаккато. Он потер ладони, подул на них. «Неужели наступила зима? Не может быть? Еще вчера было... Что было вчера?» – подумал вагант. Он был уверен, что, выезжая с постоянного двора, он застал июль месяц.

Лошадь подошла к воде, вступила в нее копытами, опустила голову. Туман задвигался и немного отполз от берега.

Зирвент обругал лошадь – просто так, чтобы выразить всю степень своих мучений. Потом поднял голову и посмотрел на озеро. Насколько позволял видеть туман, оно было овальной формы, низкие берега заросли кустарником и деревьями. Вдали горы, а перед горами... Зирвент поднял тяжеленные руки, чтобы протереть глаза. У гор, на дальнем берегу, стоял окутанный туманом замок. Можно было рассмотреть башни и стены, будто бы сотканые из тончайшего шелка и нитей радуги.

В этот момент голову несчастного путника пронзила боль. Мученик науки застонал, проклиная небеса и землю. Досталось и приятелям-студентам, что подбили его на пирушку. Надо же было повстречать их в том медвежьем углу, куда его занесло волею судьбы по дороге домой. Именно там!

Нет, больше никаких попок! Таких попок!

Зирвент поглядел на воду. Жажда обрушилась на него с новой силой. Вагант дернулся в седле, чтобы упасть. Соскочить самому не было сил. Дернулся еще раз, потом еще раз, пока тело не начало съезжать влево. Лошадь сделала шаг в правую сторону, чем помогла своему хозяину. Зирвент шмякнулся на мокрую гальку и угодил затылком в ледяную воду. Шляпа слетела. Вагант захрипел, перевернулся и, распластавшись на брюхе, стал пить. Вода ломила зубы, но ему было все равно. Он захлебывался, плевался, сопел, но ему было все равно. Лошадь покосилась на ваганта едва ли не с презрением.

Через пару-тройку минут Зирвент уже мог сесть. Что и сделал, испытывая дикое желание расхохотаться во весь голос. Умылся, поймал шляпу, нахлобучил на голову. И понял, что окончательно замерз. Пальцы ломило, губы свело. Вагант встал, покачиваясь, и услышал конское ржание, затем храп и скрип металла.

– Как ты посмел пить из моего озера, чужестранец? – прогремел чей-то голос.

– А? Чего?

Зирвент стухнул и хотел броситься бежать. Голос не внушал никакого желания остаться на месте. Однако ноги были не в той кондиции, чтобы совершать стометровые пробежки на время.

Однако вагант попытался. Результат не был впечатляющим. Ноги бедняги заплелись, и он со всего маху шлепнулся на собственную задницу. На мелководье. От такого толчка в его голове на несколько мгновений прояснилось. Он увидел рыцаря. Огромного рыцаря на огромном коне. Оба черные. Лица всадника видно не было, оно скрывалось за глухим забралом.

В одной руке страхолюда покачивался огромный меч, в другой – щит.

– Ответь, чужестранец! – прорычал рыцарь из-под забрала. Его конь стоял неподвижно, покрытый черной попоной.

– Я?

– Ты!

Меч поднялся и указал на Зирвента. Словно вынося приговор.

Вагант потерял сознание.

2

– Не знаю я этой дороги. Хм. Никогда не бывал в этих местах, – сказал Браги, останавливая черного битюга у развилки. Лошадь, везущая позади рыцарское снаряжение огра, остановилась и тихонько заржала.

В лесу стояла, словно гнилая вода в луже, тишина. Ни тебе писку, ни тебе визгу.

– Не нравится? – фыркнул Рыцарь Железного Кулака. – Мне тоже. Нисколечко не нравится. В воздухе пахнет волшебством... – Огр сплюнул на землю. – Брр! Ну и утречко. Зуб на зуб не попадает. Ладно, едем. Посмотрим, что будет в конце этого пути.

Браги тронул тяжеловеса, и тот покатил вперед, словно гигантский валун по склону холма. Только такой конь, великан среди лошадей, мог вынести вес странствующего рыцаря, огра по рождению, прозванного Страшилой. Каждый шаг коняги отдавался вполне ощутимой дрожью земли. Очень часто это пугало лесных обитателей, поэтому тишина не особенно волновала Браги. На его приближение многие зверушки реагировали неадекватно.

От развилки огр свернул влево. Эта тропка была наименее заросшей. Значит, ею пользовались.

Проехав метров пятьдесят, Браги приостановил коня. Ноздри огра уловили запах озерной воды. Сомнений быть не может. Рядом озеро или большой пруд. Это вселяло надежду, что удастся наловить рыбы и как следует подкрепиться. В желудке, после целых суток пути и двух маленьких перекусов на ходу, начинало урчать.

Соблазненный запахом воды, битюг пошел быстрее. По обеим сторонам дороги росли осока и терновник. Березы чередовались с соснами и елями, образуя некое подобие свода над головой Браги. Тропинка походила на туннель.

Врожденное чутье на колдовство и всякую разную необычность, а также многолетняя практика странствующего рыцаря, борющегося со злом, заставили огра вытянуть из кольца на поясе боевую секиру. Мало ли что. Незнакомый лес – знакомые опасности.

Тишина. Копыта битюга бьют в землю, покрытую прошлогодней хвоей и пожухлыми листьями. Тун-тун-тун.

– Сдается мне, где-то рядом может быть жилье, – сказал Браги сам себе. – Если повезет, то поселок рыбаков. Или деревушка. Надеюсь, для меня там вилы не приготовлены.

Впрочем, он прекрасно знал, что нет на свете вил, которые могли отправить его к праограм. Многие пытались указать ему его истинное место, да где они теперь?

Огр наострил уши. Поблизости кто-то разговаривал.

– Ты обязан сражаться, чужестранец! – Голос, похожий на отдаленное грохотание грома.

– Я? – Тоненький голосок насмерть перепуганного существа. – С какой стати я... Да и не умею. С ума вы съехали, благородный господин?

– Такова судьба, чужестранец! От судьбы не уйдешь! – заявил обладатель голоса-грома. Браги хмыкнул. Забавная, должно быть, сцена.

– Я не верю в судьбу! Я не собираюсь сражаться ни с вами, ни с кем другим! Я вообще не рыцарь... не мое это дело!.. Вот...

– Ты пил из моего озера, поэтому обязан повиноваться судьбе!

– Какой еще судьбе? Ничего я не знаю ни о какой судьбе! Я был... был не в состоянии понять, куда еду... Лошадь сама привезла меня сюда! Я не ви... ик... виноват! Сражайтесь с ней, благородный господин!

– Сражайся! – рявкнул гром. – Или я тебя убью просто так! Ты умрешь, как трус!

Наступила тишина. Потом послышался звук падающего тела.

– Мать-перемать! – проговорил голос-гром. – Ну и слабак.

Огр ухмыльнулся и направил коня в сторону голосов, по той же самой тропинке, по которой недавно проехал Зирвент из Фингабора. На берегу Браги застал следующую картину. Возле воды топчется тощая гнедая коняга. Неподалеку от полосы гальки валяется мокрый и измазанный всякой пакостью тощий тип. Человек. Рядом – черный рыцарь на черном коне, весь с ног до головы в сплошных латах. Морда скрыта под забралом. По всему видно, могуч, с таким не просто сладить, если что...

– Приветствую благородного рыцаря в черном! – прогрохотал огр, выезжая к берегу. Браги поднял вверх топор, отдавая салют.

Рыцарь развернул коня. Нападать не стал.

– Вот так явление! Два путника подряд! За сто лет. Вот уж точно – поверишь в судьбу!

3

Едва Зирвент очнулся, как понял, что черный рыцарь ему не привиделся. Похмелье все еще терзало несчастного студента, словно стервятник полуживую еще жертву. Вагант встал на карачки, потом на колени, потом на ноги. Если уж погибнуть, решил он, то с честью, глядя смерти в лицо... как подобает мужчине.

Да только сделать это было не так просто. Зирвент почувствовал, что поджилки его трясутся от страха сильнее, чем от похмелья. Черный рыцарь возвышался над ним, словно несокрушимый утес, и был готов в любой момент разрубить его гигантским мечом.

Мысленно Зирвент еще раз проклял своих приятелей, подбивших его на пирушку. Хоть и погулял славно, а помирать все едино не хочется.

– Впервые за сто лет я повстречал у моего озера чужестранца, – проговорил рыцарь.

От страха Зирвент опять чуть не повалился на землю. Он был бесконечно далек от всех этих героическо-воинских штучек и в свои двадцать лет хорошо знал только сомнительные заведения и университетские аудитории. Драки и подвиги были не по его части. Лишь один раз в жизни Зирвент брал в руки меч, и тот не являлся настоящим оружием, а был деревянным, потешным, каким награждали короля вечеринки на Дне Арвендийского Университета. Вид черного рыцаря, тычущего тошнотворной железкой в его сторону, лишил студиязуса мужества, которого и так было не ахти как много.

Не будь похмелье таким зверским, Зирвент давно бы дал деру. Это был его способ решать подобные проблемы. Но что вспоминать сейчас о шустрых ловких ногах, так часто спасавших хозяина от неприятностей? Нет, вагант понял, что ему не уйти.

– Я немедленно удалюсь, благородный господин, – проблеял Зирвент, еле держась в вертикальном положении.

Черный рыцарь наклонил голову, рассматривая бедолагу.

– Судьба! Мы не в силах избежать ее! Ты пил из моего озера, поэтому теперь обязан вызвать меня на поединок!

– Я не знал, что это ваше озеро! Откуда? На нем и не написано ничего... Я хочу сказать, что не стал бы пить, если бы знал!..

– Это не имеет значения, чужестранец, ибо это – судьба, – ответил рыцарь.

– О! Я же говорю вам! Я ничего не знаю! Я не могу... Я не воин... я оружия сроду в руках не держал... Позвольте мне уехать! Я никому и никогда не расскажу, что здесь находится озеро. – Зирвент огляделся. – Я даже не знаю, где я!

Зубы ваганта выбивали дробь. Произнося слова скороговоркой, он чуть не прикусил себе язык.

– Ты обязан сражаться, чужестранец! – отозвался рыцарь, раскачивая мечом.

Зирвент закачался, словно рябина на ветру. Может, он просто спит и попал в кошмар? С похмельюги чего только не приснится! Но если и так, то кошмар не желал проходить.

Дальше последовал обмен репликами, свидетелем которого и стал Браги, оказавшийся неподалеку.

– Сражайся! Или я тебя убью просто так! Ты умрешь, как трус! – заревел вконец разъярившийся псих в черных латах.

Этого оказалось достаточно, чтобы вышибить из ваганта дух. Не выдержав столь «радужных» перспектив, Зирвент повалился на землю.

– Мать-перемать! – произнес рыцарь в черном, качая головой. – Вот же влип...

4

– Судьба не судьба, а встреча странная, – отозвался Браги, подбоченясь в седле. – Утро, туман на озере и черный рыцарь в полном вооружении... И это. – Огр кивнул на валяющегося без сознания Зирвента.

– Назовись, чужестранец, – чопорно предложил черный.

– Браги из Шидама, Рыцарь Железного Кулака, прозванный Страшилой. – Огр выпятил грудь, чтобы незнакомец смог разглядеть герб на стеганом камзоле.

– В таком случае приветствую тебя, рыцарь! – Черный явно был польщен. Вложив меч в ножны, он поднял руку в перчатке, салютуя. – Меня зовут Роменехиас из Валонфога. Я – Рыцарь, Покрытый Тьмой До Исполнения Условий! Потому у меня нет герба и скрыто лицо!

Огр поклонился в седле, убирая секиру обратно в кольцо за пояс.

– И это, стало быть, твои владения? – спросил Браги, оглядываясь с прищуром. Здесь все было пропитано какими-то чарами. Да и от самого Роменехиаса несло ими, словно пивом от пивной бочки. Неспроста.

– Именно так, благородный рыцарь... Э... э... Позволь спросить тебя...

– Валяй...

Именно таким тоном и задают подобные вопросы.

– Ты – огр?

– Огр. Как есть огр.

– Но как же? Огр... Разве бывают странствующие рыцари... огры? – спросил Роменехиас в растерянности.

– Бывают.

– Как же так?

– Это в своем роде... повеление судьбы. Я слышал, как ты сказал: два путника за сто лет – судьба, верно?.. Наверное, судьба заключается еще и в том, что один из этих путников – нечеловек. Я тоже в этом кое-что понимаю, благородный Роменехиас.

– Странно. Очень странно, – отозвался черный.

Зирвент пошевелился, издавая страдальческий стон. С озерца потянуло бризом, принесшим к ноздрям Браги «аромат» перегара студиозуса.

– А ты ничего не имеешь против огров? Могу уехать. Тогда никто из нас не узнает, в чем заключалась воля судьбы.

– Когда-то давно я странствовал по свету, победил множество злодеев. Но среди них не было огров. А мое отношение к вашему племени... – Роменехиас повел плечами. – Не знаю. Как-то не думал.

– Ну, по крайней мере, честно, – сказал Браги. – Не твой ли это замок на том берегу озера?

– Мой, благородный Браги. И я приглашаю тебя в гости, разделить со мной трапезу. Надеюсь, ты не откажешь мне...

– Не откажу, – ответил огр. – Я достаточно долго в пути, чтобы начать мечтать о сытной пище и крыше над головой на ночь.

– Все это в твоём распоряжении.

– Что же делать с ним?

Рыцарь повернул голову к ваганту. Зирвент пытался сесть. Вид у него был жалким донельзя. Словно у кота, которого окунули в сточную канаву.

– Нельзя бросить его здесь, – сказал огр.

Рыцарь, Покрытый Тьмой вздохнул.

– Да, видимо, это судьба. Ничего не поделаешь. Ладно. Все едино. Сто лет... Два гостя лучше, чем один, а один лучше, чем ни одного.

5

Огр впился зубами в свиную ногу и посмотрел на рыцаря, сидевшего напротив через стол.

– Значит, ты не ешь и не пьешь? – спросил Браги.

– Нет.

– И доспехи не снимаешь?

– Не снимаю. – Тяжелый вздох. Пальцами в латной перчатке Роменехиас постукивал по краю столешницы. – Кто бы знал, кто бы догадывался, каково это! Таскать на себе эти железяки и днем и ночью в течение целого века! Врагу не пожелаешь!

Огр посмотрел на его забрало, пытаясь рассмотреть глаза хозяина озера и замка. Вроде бы они были голубыми.

– А скука! С ума свихнуться!

– А как же... – Вагант, сидящий справа от Браги, кашлянул, – вы, благородный господин, не умерли с голоду? Сто лет – не шутка.

– То-то и оно. Голода я не чувствую. Я всегда сыт. Всегда полон сил.

– А сон?

– Сон? Да. Сплю, но не оттого, что устал... Просто во сне ко мне приходят видения...

– Какие? – тут же спросил огр.

Рыцарь махнул рукой, меняя тему.

– Как вам мой замок?

– Впечатляет, – заметил Зирвент, оглядывая богато украшенный зал с большим горящим камином. Огр кивнул, рассматривая черного собеседника.

Вагант хрустел и сопел, уплетая еду за обе щеки. Изголодавшийся и ослабший с похмелья, Зирвент не заставил упрашивать себя дважды. Поняв, что непосредственная опасность миновала, он принял приглашение Роменехиаса и поехал с ним и невесть откуда взявшимся огром в замок у озера.

– Магия. Чары, – сказал рыцарь. – Убранство, огонь, отделка. Невидимые слуги. Подозреваю, что это привидения тех слуг, которые жили здесь давным-давно.

Браги поднял брови и указал на копченый окорок в своей руке.

– Еда натуральная. Откуда она приходит, не знаю. Но в замке есть волшебный котелок. Он слышит все мои желания и исполняет их. Невидимые слуги вытаскивают из него еду и все остальное, если мне нужно. Однако все это я пожелал впервые за сто лет... мне-то самому провизия не нужна. Вот в чем горькая ирония. Однако я рад попотчевать гостей.

– Вот бы мне такой котелок, – усмехнулся вагант.

– Я бы подарил его тебе, чужестранец, но, боюсь, он потеряет свою волшебную силу, как только ты вынесешь его из замка.

Зирвент вздохнул, думая о том, что один паршивый котелок мог бы избавить его от проблем с добыванием еды на всю жизнь. И еще о том, что чары всегда имеют двойную сторону. Никогда не позволяют насладиться их результатом в полной мере. От огорчения вагант налил себе полный кубок красного вина и приник к нему.

Огр некоторое время задумчиво жевал.

– Так что ж, хозяин, и озеро твое, и замок? – спросил Браги.

– Мое. То есть считается моим. До тех пор, пока кто-нибудь не вызовет меня на поединок и не победит.

Зирвент вздрогнул и сжался.

– Я не буду драться с тобой, благородный господин...

Роменехиас поднял руку.

– Я не требую этого от тебя. Я сделал так, как велено. Как того требует заговор. Но... ты испил воды из озера... Ума не приложу, что теперь с тобой делать.

Огр посмотрел на него, отрыгнул, навалившись на спинку резного стула.

– Расскажи по порядку. Глядишь, умные мысли появятся. – Огр хрустнул пальцами. – Не раз приходилось мне видеть похожие заклятья, много земель изъездил, чудес и диковинок встречал великое количество. Вдруг сумею чем помочь?

– Не думаю, Браги, – ответил Роменехиас.

– Попробуй. Кстати, почему ты не вызвал на бой меня, когда мы встретились?

– Потому что ты не пил воды из озера.

– Это важно?

– Важно. – Роменехиас пошевелился, латы скрипнули. – Расскажу всё, чего там. Всё равно делать нечего.

– Угу, – проронил огр, поглядев за спину рыцаря. В проеме открытой настежь двери промелькнула чья-то фигура. Браги показалось, что это женщина в длинном платье.

– Сто лет назад я был обыкновенным рыцарем. Молодым, горячим, как большинство моей братии. Конь, меч, щит. Все, что у меня было. Выехал я из родительского замка в Валонфоге и отправился куда глаза глядят. Постепенно стал обрастать славой, совершал подвиги, участвовал в турнирах, даже угодил героем в несколько баллад. Труверы изобразили меня прямо-таки самым-самым. Наврали, конечно. Рыцарь как рыцарь. Просто мне везло. Я ни разу не был серьезно ранен, никогда не находился на грани жизни и смерти. Выходит, везение.

– Везение? – сказал вагант, взмахнув индюшачьей косточкой. – Что есть везение? Везение сиречь судьба!

– Молчи, стручок! – прогудел Браги, нависнув над Зирвентом. – Молчи и слушай!

Студиозус сник и принялся за уничтожение яств, которых на столе было еще много.

– Так или иначе, забрел мой конь однажды в эти края. Что-то есть в них, вы и сами заметили. Своя, природная сила, не созданная никаким волшебником. Никому не подчиняющаяся. Остановил я коня на берегу. Оно было прекрасным, озеро это, спокойным, гладким, словно стекло или хрусталь... Волшебное озеро. Спешился я, чтобы размяться, отдохнуть и перекусить. Пустил конягу пастись по сочной зеленой травке. А сам задремал после обеда. Проснулся от того, что кто-то щекочет мне щеку травинкой, открыл глаза, смотрю...

Зирвент и Браги замерли, заинтригованные. Рыцарь рассмеялся.

– Дева. Прекрасней которой нет на свете. Сидит рядом со мной в траве и улыбается. Сон, думаю, не может этого быть! Встаю, а она в сторонку отодвигается, но не убегает и не исчезает, не рассеивается, как мираж. Смотрит этак лукаво. Не сплю, значит... Кто ты, спрашиваю, как тебя зовут, прекрасная нимфа?

– Так это нимфа была? – спросил Зирвент. – Озерная хозяйка? Дух? – добавил вагант, не обращая внимания на грозный взгляд огра.

– Не-е. То есть все не так просто, – ответил Роменехиас из Валонфога. – Спрашиваю, значит, как зовут тебя, краса? Она и отвечает: не узнаешь имени моего до срока. Наберись терпения... А надо сказать, влюбился я в нее без памяти. Сразу! Все прошлые приключения, все дамы сердца, дарившие мне свои шарфы после победы на турнирах, стали вмиг дурнушками. Все познается в сравнении, Браги. Ну вот. Я же ей представился – честь по чести, по всей форме. Она показывает мне на замок, что на другом берегу озера. И говорит: там – мой дом. Знаю я, что мила твоему сердцу, храбрый воитель, однако приближаться ты можешь к замку лишь в полночь. Иначе не избежать нам обоим беды. Почему, спрашиваю. Запомни, отвечает, сегодня в полночь подъезжай к воротам, только тихо. Я буду ждать. И исчезает. Смекнул я, что дело чарами пахнет. И озеро, и замок тот, словно из радуги постро-

енный, и сама дева. Попытался припомнить сказки и легенды всякие, но все какая-то принцесса-лебедь на ум лезла.

– Которую злой колдун превратил в птицу? – пропищал вагант.

– Ту самую. Я уж и то и другое передумал. Загадка в этом была зловещая. У меня нюх на такие штуки. Странствующий рыцарь все-таки. Ну вот. Еле дождался положенного часа. Подъезжаю к воротам замка тихонько. Тишина. Луна светит полная. В лесу волчары воют – жуть. Открывается калитка в воротах, и выходит она, моя дева. Прекрасная, словно... в общем, нет слов, чтобы описать то, что я чувствовал.

– Эх, – вздохнул вагант, – любовь! Прекраснейшее из...

От тычка огрского локтя Зирвент чуть не слетел со стула. Браги кашлянул со всей значительностью. Студиозус умолк, хитро поглядывая на Роменехиаса.

– Гуляли мы при луне вокруг озера. И слов не было нужно нам, однако жгло меня изнутри что-то... Спрашиваю ее: неужто пленница ты в этом замке? И как чуяло сердце, так и оказалось. – Рыцарь взял наполненный вином кубок, поднял и опустил. – Чего бы не отдал за глоток вина!.. Эх. Повела мне дева такую историю. Жил-был граф, было у него две дочери. Жили счастливо, душа в душу, вдовец и две кровинушки его. Кхе. Только одна кровинушка была не очень-то и душевная, понимаешь, Браги. Злая, сварливая. Старшая Зенгра. Отца не уважала, сестру младшую третировала. Дрянь была, одним словом... Пришло время выдавать старшую замуж. Думал граф, думал, как поступить, кому нужна будет такая злая женщина, мать детей будущих. Так ничего и не мог придумать. Однако в один прекрасный день появляется у замка человек, весь в черное закутанный. Глаза страшные, улыбка льстивая, речи словно мед. Отдай, говорит, граф, дочь мне старшую, такая мне и нужна. Граф рад-радешенек – сплавил дочурку замуж за черного. А оказался черный этот чародеем, черно-книжником могучим. Села старшая дочь к нему на коня – да только их и видели. Словно вихрем унесло. Осталась младшая дочка. Но не тут-то было. Оставила старшая на ней свое злое проклятье. Не выйдешь замуж, пока я не вернусь. Бросила в лицо, тет-а-тет, граф-то ничего и не знал, а девушка промолчала. Приезжали женихи, но все вдруг отказывались от нее. Граф чуть с ума не свихнулся от горя. Так уж, думали, и останется младшая без суженого... А однажды ночью падает в озеро с неба нечто. С плеском и шумом. Будто камень из катапульты. Потом, глянь, выходит из воды женщина, вся в черном. Глаза огонь мечут, молнии из пальцев вылетают, волосы развеваются. Страх! Оказалось, что это старшая дочь вернулась. Научилась чародейству у мужа своего да и убила его в один прекрасный день, как того ее черное сердце возжелало... Увидел ее граф и проклял, а сам умер от сердечного приступа. Так вот и попала младшая дочка, словно кур в ошип. Отыгралась на ней ведьма-колдунья. Чары навела на окрестности, сделала так, что сестрица не могла никуда убежать. Только вокруг озера этого волшебного и способна была прогуливаться. В роли служанки оказалась моя прелестница, в заточении находилась...

Рыцарь оглядел гостей, оглядел стол. Кликнул слуг и велел принести еще и того, и другого, и третьего. Появились призраки, еле заметные контуры человеческих фигур, неслышно передвигающиеся по воздуху. Трое. Вагант наблюдал за ними с открытым ртом.

– Думал, уснете от моего рассказа, – проговорил Роменехиас с улыбкой в голосе. – Не скучно?

– Напротив, – ответил Зирвент.

– Увлекательно, – подтвердил огр, видя, как по воздуху к столу вереницей, словно журавлиная стая, летят блюда с кушаньями. «Хороший замок, – подумал Браги. – Мне бы подошел, если бы не судьбина моя бродячая. Главное – жратва здесь на уровне».

– Ну, если увлекательно, продолжу. Однажды появляюсь я. Дева гуляла по берегу озера и увидела меня, спящего на полуденном солнышке. Здесь, в общем-то, и начинается новая часть истории... Моей и Даривенды... Ну, то первое свидание окончательно убедило меня,

что она и есть моя суженая, одна на веки вечные... Мы встретились в полночь, еще и еще. Только на третий раз она открыла мне свое имя. И сказала, что сестра ее в полночь улетает творить свои колдовские дела, но в замок все равно войти мне нельзя, мигом колдунья проведает. Совсем я с ума сошел от этого, понимаешь, Браги. Кровь в голову ударила. Рыцарь как-никак, освободитель угнетенных, спаситель красавиц и прочее в таком духе... Ничего не сказал Даривенде о своем плане, а сам, как последний дурак, явился утром к воротам замка и давай долбить в них. Зенгра! Открывай, а то хуже будет! Она открыла – злая, сама не своя после ночных делишек и полетов. Ух, признаться, струхнул я малость, когда колдунью увидел. Явился, значит, к моей сестрице, спрашивает, а у самой искры из глаз, а во рту клыки, словно у вурдалачки. Руки ее хочешь? Я сказал ей все как думал. Разозлил, не без этого. А Зенгра и говорит: испытание пройдешь, твоя будет. Какое, спрашиваю. Узнаешь, мол. И закрыла ворота. Стоял я, стоял, звал, кричал, стучал, но ничего не добился. Уехал в хижину, которую соорудил здесь в лесу неподалеку. Спать лег, ворочаюсь, вспоминая слова Зенгры. Вдруг прилетает горлица, садится на веточку возле меня и говорит человеческим голосом: «Зачем ты пришел? Зачем вызвал ее? Зачем? Нашла бы я способ убежать, если бы терпения у тебя хватило, а теперь не знаю, как быть... Испытание хочет устроить тебе сестра. Я не знаю, в чем заключается оно, но если любишь меня, выдержишь. Смотри за пояском!» И улетела Даривенда.

Рыцарь медленно поднялся со стула, скрипя черными латами. На почти негнувшихся ногах подошел к камину.

– Тогда я совсем с ума съехал. Носился по лесу, рубил кусты мечом, звал колдунью на бой, хотел медведя встретить или чудовище лесное какое-нибудь, чтобы в поединке силу потратить и ярость утолить. Решил было к замку побежать, но не пускали меня чары и близко. Не помню, как в полубеспамятстве упал в траву и уснул. Проснулся в ночь. Луна светит, а рядом она, Зенгра. Жаркая, ласковая, юркая, словно ужица, ластится и гладит, сил лишая. Слова шепчет, которых я не слышал никогда... Голову я потерял, не знаю как... В общем, сильна была ведьма, ох сильна... Говорила она, что станет, если я буду с ней. Чуть не поддался. А вспомнив горлицу, будто протрезвел, голова ясная сделалась. Что же это такое, подумал. Гляжу, а поясок у Даривенды не тот, черный, не было такого у моей суженой. Сорвал поясок, оттолкнул колдунью и за кинжал. Зашипела Зенгра, заплелась ядом, что разоблачил я ее. Не будет она твоей, кричит, все равно не будет! А ты – мой! Судьба твоя такая! Ничего не попишешь! Я ударил ее в сердце доброй сталью, и не успела Зенгра ничего сотворить. За исключением одного.

– Заклятья? – спросил вагант.

– Заклятья... Достало у колдуньи сил сотворить его. Будешь ты, говорит, хозяином замка и озера, будут у тебя слуги, будет у тебя все, но ничем этим воспользоваться ты не сумеешь. Сыт будешь, а еды вволю. Не захочешь, а вина – море... И суженая твоя рядом, но знать и чувствовать тебя она не сумеет. А тебе останутся лишь холод и тоска сердечная. – Голос Роменехиаса долетал, словно со дна глубокого колодца. Или из могилы. Огр наострил уши. Вряд ли Зирвент слышал то, что удалось уловить огру. Отдаленный ехидный смешок в покоях замка. – Судьба твоя, говорит, скитаться вокруг озера до той поры, пока не приедет рыцарь-чужестранец и не попробует воды. Вызовет он тебя на бой и победит... И лишь тогда ты воссоединишься с Даривендой. Спадут мои чары, выполнены будут условия... Свободны будете оба.

– Так, – произнес огр деловым тоном. – Допустим, это так... Что же в этом случае будет с тем, кто тебя одолеет в бою?

– Он займет мое место. Тот человек наденет мои латы и делается новым хозяином замка. Озерным Рыцарем. До тех пор, пока не приедет другой...

– Хорошенькие дела! – воскликнул вагант. – То есть если бы я...

– Заткнись! – проронил огр.

Зирвент изобразил оскорбленное самолюбие.

– Сто лет здесь не было никого. Места тут глухие, – сказал рыцарь. – У меня уже и надежда пропала... Не хочу жить вечно... Надоело... Понимаешь, Браги, приходит она ко мне. Каждую ночь почти приходит. Во сне. И там... Словом, не в силах я больше выдерживать... Я бессмертен, если никто меня не победит в бою. Насчет другого. – Роменехиас махнул рукой. – Пробовал топиться в озере, прыгал с высоченного дерева, со скалы, забирался вот в этот камин. Не помогает, Браги!.. Один способ есть.

Огр помолчал, раздумывая. Вагант посмотрел на него, прищурился, потом перевел взгляд на фигуру рыцаря в черном, стоящую возле огня. Отсветы пламени играли на блестящих латах.

– Но ведь если станется, что некий воинственный тип убьет тебя, благородный господин, то что?.. Это возможно?

– Возможно. Вероятно, в этом и есть суть заклатья.

– Как же тогда ты воссоединишься с Даривендой? – спросил Браги.

Рыцарь долго молчал.

– Можно сказать, мы... будем там, где...

– Так она мертва? – спросил вагант.

Браги схватил Зирвента за шкуру и чуть тряхнул.

– Придержи язык!

– Ладно, ладно...

– Мертва? Может быть... – отозвался Роменехиас. – Нельзя сказать с уверенностью. Иногда я чувствую, что она рядом. Она страдает, Браги. Сто лет. Десять десятков... – Рыцарь со скрипом сжал кулак, закованный в сталь. – Судьба...

– Ты уверен, что нет иного выхода? – спросил огр. – Случается, что все эти условия, сроки – обманка. Способ запудрить мозги легковерным болванам.

– Нет, не думаю. Это и правда судьба.

Роменехиас отвернулся к гобелену с изображением сцены охоты. В тишине Зирвент икнул и тут же стыдливо прикрыл рот ладонью.

– Идемте, я покажу вам ее, – прогудел черный рыцарь.

6

За сто лет под снегом, дождем и ветром гранит статуи начал трескаться и крошиться. Время не пощадило даже такие прекрасные и совершенные черты. Печать тлена и забвения легла на них невидимым покрывалом. И в то же время вся поза статуи выражала протест. Невероятное усилие вновь обрести свободу. Превращенная в изваяние женщина казалась живой...

Браги ощутил, как холодеет у него вдоль позвоночника.

Одетая в длинное платье, Даривенда протягивала к невидимому собеседнику руку. Ждала. Надеялась.

Надеялась победить время.

Десять десятков.

Судьба.

Огр замер. Роменехиас не преувеличил, говоря о красоте своей возлюбленной. Даже самый искусный трувер с полным набором изящностей и рифм в поэтическом багаже не сумел бы запечатлеть словами образ Даривенды.

Это был прекраснейший дух. Красота. Хозяйка озерных вод, ожидающая того, кто разбудит ее ото сна. Ускользящая мечта...

На ум Браги пришли обрывки одной услышанной при каком-то королевском дворе баллады. Ее словно списали с этой истории.

– Чтоб мне... – пробормотал себе под нос вагант, почесывая в затылке. – Невероятно... Это же...

– Зенгра превратила ее в камень, – пояснил черный рыцарь, протягивая к статуе руку. Он не коснулся ее, сжал пальцы в кулак. Браги подумал, что за все сто лет Роменехиас так и не осмелился притронуться к своей возлюбленной латной перчаткой, которую был вынужден носить всегда. – Суженая рядом... Но знать и чувствовать ее я не могу... Только иногда, как легкий сон под утро, после того, как пропадут чары Зенгры, чары тьмы... я могу видеть.

Огр с трудом отвел глаза от статуи. Постамент оведал дикий плющ, сквозь потрескавшиеся мраморные плиты скверика пробивалась трава. Скамеечки, покрытые затейливой резьбой, время погрызло еще сильнее, поилка для птиц развалилась пополам, рядом с ее основанием лежал скелетик соловья. В этом месте не действовали чары, поддерживающие иллюзию в других частях замка. Скверик с печальным изваянием в центре казался тихим островком осени посреди летнего буйства красок и бьющей ключом жизни.

Бледный Зирвент сел в сторонке на каменную скамейку.

– Что ты скажешь, Браги? Понимают огры в человеческой красоте? – повернулся к нему рыцарь.

– В некотором роде... – смутился Страшила. – Не особенный я знаток по части романтики... Я чудовище, которое волею судьбы стало таким, каким ты его видишь.

– Значит, ты веришь в судьбу.

– Отчасти.

– Тогда... Ты знаешь, о чем я хочу попросить тебя?

Огр сглотнул. Посмотрел на статую. На трещины в граните и щербины там, где откололись небольшие кусочки.

Десять десятков.

– Знаю.

– Тогда...

– Я не могу ответить тебе сразу. Дай мне время подумать до утра, Роменехиас. – Огр отвернулся. Зирвент соскочил со скамейки и стал усиленно интересоваться цветами, растущими на краю вымощенной мрамором площадки.

Но уши наострил.

– Если согласишься, ты поможешь нам обоим... Есть шанс, что все пройдет не так, как сказала колдунья. Мы с Даривендой начнем все заново. На этот раз по-настоящему. Подумай, огр, подумай. Я верю. Это судьба.

– Не очень я уважаю высокие слова, я всего лишь...

– Да, ты не человек. Однако мне это безразлично. Потому что я тоже давно потерял человеческий облик. Я хочу вернуть его обратно.

– Понимаю.

«Сколько же я мотаюсь по разным землям, сколько раз пытался стать другим, собой настоящим? Добьюсь ли когда-нибудь цели? – пронеслось в уме у Браги. – А ему – рукой подать. Он счастлив, потому что знает как... Или думает, что знает!»

– Тогда...

– Дай время до утра. Прошу.

Огр посмотрел на небо. Солнце скрылось за плотной пеленой облаков, но тут же выглянуло снова.

– Мы встретимся там, где и сегодня, Браги, – сказал рыцарь. – Но... если желаешь, можешь переночевать в замке.

– Я бы не прочь, – отозвался с готовностью вагант.

– Заткнись! – проворчал Браги. – Ни ты, ни я здесь не останемся. – Огр повернул голову к Роменехиасу. – Я слышал ее...

– Да. Дух Зенгры по-прежнему в замке. Она не упустит своего. Чужакам здесь опасно находиться.

Огр кивнул.

– На рассвете. Мы будем ждать. Спасибо за гостеприимство, рыцарь. – Браги пробовал рассмотреть его лицо за решеткой забрала, пытался угадать, какие чувства он испытывает.

Угадывать не требовалось. Огр и так знал. И поэтому ему стало противно. За себя.

– Значит, на рассвете, – сказал он.

7

– Ох приключение... ик... так приключение... ик... Кому рассказать, не поверят...

Вагант шустро стирая свои грязные вещички в озерной воде. Болтая, подозрительно поглядывал на волны, словно боялся, что из них вот-вот появится чудо-юдо.

– Ик... приключение...

– Перестань икать! – попросил Браги, лежащий пузом кверху возле костра.

– Ну, я ж не виноват!

– Выпей воды.

– Спасибо. Пил уже...

– Теперь-то можно. Никто не заставит тебя драться на дуэли, – сказал огр, наблюдая за мерно плывущими облаками. Солнышко грело. После сытной трапезы в замке хотелось спать, мысли ползли с ленцой. Браги зевнул.

Зирвент долго боролся с икотой и в конце концов одержал верх.

– А знаешь, я слышал о тебе, – сказал вагант, глянув через плечо.

– Ну.

– Как же, знаменитый Рыцарь Железного Кулака. Страшилой прозванный за... за красоту, в общем. Не обижайся, но морда у тебя та еще. – Поглядев на результаты трудов своих, Зирвент вздохнул и начал отжимать брюки.

– Не обижаюсь, – ответил огр.

– О твоих подвигах болтают от Гверны до Кавайлина, о тебе рассказывают анекдоты и байки. Слагают кабацкие песни, – продолжил студиозус, пытаясь отстирать курточку от следов попойки. Тер ее куском мыла, пыхтел. – В Лессире до сих пор с восторгом треплются о том, как ты на спор с местным градоначальником, упившись медовухи, измордовал банду троллей, разбойничавших в окрестностях города. Голыми руками! Или лапами?..

– Как тебе угодно, – ответил Браги, пожеывая травинку.

– Хе-хе. Еще в Монналинге слышал я историю, как ты помог эльфам Дома Желтых Хризантем победить злющего дракона. Эльфы сложили об этом песни, и какие!

– Слышал я эти песни, – ответил Браги, – склад и лад есть, но правды ни на грошик.

– Правды? Кому она нужна, огр? Слава героя обрастает мифическими подробностями. Ничего с этим не поделаешь. Закон жанра. Так складывается эпос. А вот еще – тот случай, с Проглотом в Пибадуре. И принцессу рассмешил, говорят. Это правда?

– Истинная.

Дрожа, в одних подштанниках, вагант подбежал к костру и развесил мокрую одежку на воткнутых в землю палках. Потом подбросил еще валежника в огонь, пошерудил в углях толстой веткой.

Долго молчали, Зирвент грелся, обнимая руками плечи.

– Огр?

– Да.

– Еще говорят, будто ты... словом, не огр совсем. Не чудовище. Человек заколдованный. Рыцарь, на которого набросили чары.

– Мало ли болтают? – просопел Браги. – Кому нужна правда? Закон жанра – все обрастает подробностями. Как там их? – мифическими...

– Однако сам про себя ты баек не сочиняешь?

– Нет.

– Так ты все-таки...

– Отвянь!

Зирвент посмотрел на призрачный замок, видневшийся на противоположном берегу озера.

– Что ж это получается, – сказал вагант. – Ты не чудовище, а облик у тебя чудовищный... Это я так, фигурально. Помнишь ли ты что-нибудь из того времени, когда был человеком?

– Отстань, говорю.

– Но все же.

– С ума сойти можно! – Огр перевернулся на бок, в противоположную от костра сторону.

– Интересно ведь! Откуда я мог знать еще вчера, что попаду в эту глухомань и влипну в такую историю? И что в этой истории будет всё. Заколдованная дева, благородный воитель, любовь, колдовство, ведьма и заклятие, которое можно снять, только выполнив определенные условия! Да еще и знаменитый Страшила появляется откуда ни возьмись и спасает меня. Если я кому расскажу, никто не поверит!

– Вот именно. Поэтому не рассказывай.

– Расскажу на следующей же попойке.

– Кто-то брэнчал о том, что не будет больше пить.

– Ну, так не буду, а по-другому буду. Не о том речь... Пойми, огр, эта история волшебная, романтическая! Уж поверь, я кое-что в этом понимаю...

– Ты?

– Я. Я – вагант, не забывай. В Арвендии просто созданы все условия для всевозможных любовных приключений. Огромный город, полный соблазнов и красивых женщин. Элизиум для таких, как я... А чем занимается студент?

– Учится.

– Нет. Учеба это учеба. А занимается студент... как бы это сказать...

– Волочением за всем, что носит юбку. Лишь бы мордочка смазливая была. – Браги сел и протянул ноги к огню.

– Хм, грубо, но точно, – улыбнулся Зирвент. – Так вот. Если хочешь знать, только этим я большую часть времени и занимался. – На лице ваганта появилось сладостно-мечтательное выражение. – Балкончики, беседочки, темные уголки, сеновальчики, шепоточки, щипки, поцелуйчики и клятвы верности под омелой, батистовые платочки на память, запах духов, оборки на трусиках, румяные щечки, разгоряченные грудки... Мммм! Красота.

Огр расхохотался.

– Похоже, ты спец в таких делах. А еще обалдуй и ветрогон!

– Тем и живем, – не смутился Зирвент. – Однако я об иных материях повествую. Об этой истории. Она – настоящая. Такая, как в сказке, как в красивой легенде. И любовь в ней – истинная! – Студиозус горестно вздохнул. – Не то что с некоторыми... не то что с Меридеей... Кхе...

– Меридея, значит? – усмехнулся Браги.

– Меридея... Любовь моя...

– Ну-ну. Жениться собираешься небось?

– Э нет! Ни в коем случае!

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно! – фыркнул вагант. – Ладно, речь не о неблагодарной и неверной дочке аптекаря. Речь об истинной любви. О судьбе. Потому что истинная любовь и есть судьба. Кто знает, может быть, я и ищу ее! – добавил он.

– Выходит, ищешь не там. Не в Арвендии и ее окрестностях надо это делать. – Огр раскрыл ладонь, и на нее спикировали две пестрые бабочки.

– Судьба, – проворчал вагант. – Не знаешь, где она найдет тебя. Роменехиаса нашла здесь...

– Что-то я не понимаю, – сказал Браги. Бабочки парой вспорхнули с его руки и улетели. – Ты что, завидуешь Роменехиасу?

Зирвент снова вздохнул.

– Сто лет, огр! Сто лет! Десять распроклятых десятков! Видел ее? Видел ее лицо? Я и подумал: а будет ли меня кто-нибудь ждать? Так стремиться ко мне, даже будучи статуей? Мурашки по коже, огр! Волосы на голове шевелятся, когда об этом подумаю!

Вагант отвернулся, стал смотреть на озеро.

Браги почесал затылок.

– Эге... Я и не знал, что тебя так сильно это задело за живое.

– Ерунда. Все познается в сравнении, правильно я мыслю? Когда видишь что-то другое, начинаешь думать, а много думать вредно, уж ты мне поверь, как студенту. От думанья башка пухнет и извилины в мозгах закручиваются. Вот я! Отправили меня мои возлюбленные родители учиться. В семнадцать лет. В Арвендию. Не хотел я, а папаня настоял, он у меня глава зеркалоделательной гильдии. Надо, говорит, тебе в люди выбиваться. Иди учись, станешь потом уважаемым человеком. Тьфу! Как приехал я, дурень провинциальный, в столицу Даймории, так крышу у меня и снесло. И пошел я в загул, по бабам, по кабакам... Переборщил, словом. Все проиграл, все пропил, что было. Если бы не одна знакомая женщина, меня приютившая, не давшая пропасть, не знаю, что бы со мной случилось. Отпоила, откормила после жестокого запоя, в чувство привела. Заставила пойти в банк, взять у гномов на отцово имя денег, сама выступила гарантом, потому как гномы ни гроша не дали бы мне, а им-то она знакома была. Словом, успел я поступить в Университет. Учусь с тех пор, стараюсь держаться в рамках. Учиться – хорошо. Когда не надо сдавать экзамены, конечно... Ну, да это все детали. В чем же суть?

– Ну?

– Я думаю: а моя ли это судьба? Может быть, да. Может быть, нет... Как можно определить? То, что я делаю, я делаю потому, что так захотели мои родители, – надулся Зирвент. – Чего хочу я сам, кто скажет?

– Философия, – отозвался огр. – Какие твои годы, стручок? Не мудрствуй. Радуйся, пока есть у тебя батистовые платочки, балкончики и беседочки с клятвами вечными под омелой. Не бери в голову всякую ерунду. Не ставь себя на место Роменехиаса. Ты понятия не имеешь, каково ему. Не пытайся быть им. В легенде это красиво, а по правде... тоска и тлен. Увядание. Даже каменная роза, придет время, рассыплется в пыль. Оставь все это легендам и эльфийским балладам. Оставайся в Арвендии, вернись туда после каникул, живи дальше в большом городе с большими соблазнами. И стань в конечном итоге уважаемым человеком, носи бархатный берет и пурпурный плащ, о котором твоему прадеду, скорняку, приходилось лишь мечтать долгими зимними вечерами в каморке, где, кроме него, охали и стонали в свете каганца жена и пятеро детей, видевших мясо лишь по большим праздникам... Вот это и есть твоя судьба, Зирвент. И прости огру его откровенность, мы, чудовища, бываем довольно бесцеремонными.

Браги отвернулся, стиснув кулак. Помолчали. Наконец вагант, сидевший до того тихо, словно мышка, кашлянул.

– Огр...

– Чего тебе еще?

– Ты вызовешь Роменехиаса на поединок?

Молчание.

– Вызову.

– Почему?

– Потому что это судьба. Его судьба. А я – орудие. Как всегда – орудие. Потому что у него может не быть другого шанса.

Зирвент поежился. Покосился на силуэт замка, покрытый еле заметной дымкой.

– Но тебе придется его убить, рыцаря этого, – сказал вагант тихо.

– Придется, – ответил Браги, не поворачиваясь.

Потом встал и направился в лес. Затрещали кусты. Чудище проломилось сквозь них и исчезло.

– Каменная роза рассыплется в пыль... – пробормотал Зирвент, ежась от прохладного воздуха, идущего с озера.

8

Рыцарь в черных латах выехал из-за деревьев и остановился. Битюг Браги и вьючная лошадь огра отозвались приветственным фырканьем. Тощая коняга студиозуса начала испуганно косить глазами.

– Ну, – сказал огр, подавая знак ваганту.

Зирвент, бледный от торжественности момента, побежал с ковшиком к воде и зачерпнул из озера. Когда он подавал ковшик огру, уже одетому в доспехи, руки ваганта дрожали.

Солнце едва успело подняться над далекой кромкой гор. На поверхности озера еще горели отблески рассвета. Было холодно. Готовиться к схватке огр начал затемно. Встал, размялся, пугая Зирвента уханьем и ворчанием, потом разложил свои доспехи и оружие на траве, проверил их и стал облачаться. Вагант поднялся, развел костер, с удивлением наблюдая за тем, какие манипуляции производит легендарный Страшила. Никто ничего не говорил. И когда огр закончил, тоже. Они ждали появления черного рыцаря.

И вот он появился. С обнаженным мечом в одной руке и щитом в другой. Живая статуя из металла.

– Приветствую тебя, Роменехиас из Валонфога, – сказал Браги. – Мы встретились здесь, как было условлено... Чтобы решить...

Зирвент переводил взгляд с одного на другого. Кадык на его тощей шее дергался.

– Значит, ты принял решение, огр? – спросил Роменехиас. – Что ж... так оно и к лучшему.

Браги поднес ковшик с озерной водой к губам.

– Если ты не желаешь, мы разведемся навсегда, – сказал черный.

– Нет. Не разведемся. Ты был прав, человек. Это судьба. Ничего больше.

Огр влил в себя целый ковш воды и отбросил пустую посудину.

– Вызываю тебя на поединок, хозяин озера. Да будет так!

– Вызов принимаю! Да исполнятся сроки!

– Приступим.

Черный отсалютовал мечом и спешил. Огр уже ждал его, со своим громадным мечом и треугольным щитом. Зирвент предпочел убраться подальше и спрятался за деревьями. Оттуда он и наблюдал за боем с начала до конца. Сначала противники сближались, присматриваясь к походке друг друга, соизмеряя дистанцию и выбирая тактику. Потом начали движение против часовой стрелки. Медленно, чуть уменьшая дугу. Затем Роменехиас напал с широкого замаха. И зарычал под забралом. Высокий и широкий в плечах, он был все-таки поменьше огра. Отчасти это давало ему преимущество в ловкости. Так думал вагант вначале.

Огр отбил сильный удар мечом, махнул щитом наотмашь, изменил позу, рубанул сам. Роменехиас отпрыгнул, увернулся, замер. Потом снова движение. На этот раз атаковал Браги. Удар, тяжкий лязг и стон железа. Искра вылетела из-под мечей и погасла. Зирвент затаил дыхание. Рыцарь в черном осел на одно колено, но тут же выправился и не оставил удар огра без ответа. Шаг, замах, косой удар сверху, возврат тяжелого клинка, низкий удар, словно косой. Огр подпрыгнул, что было невероятно при его размерах. Потом вбил в землю сапожищами и пошел, словно ожившая мельница, осыпая Роменехиаса ударами. Рыцарь отбивался щитом и мечом попеременно. Грохот разлетался над озером, пугая чаек и тревожа в лесу любопытную живность.

– Битва! И я это вижу! – прошептал белыми губами Зирвент, прячась за стволом сосны. – Я стал частью сказки! О боги!

Роменехиас вывернулся, крутанулся вокруг оси, ударил сбоку, на уровне пояса огра. Браги отразил этот удар краем щита. Противники разошлись. Вагант видел на своем веку

не меньше дюжины турниров, но ни разу не был свидетелем такого поединка. Отчаянного. Обреченного. Он не мог подобрать к этому определения.

Рыцари молчали. Тяжелое дыхание вырывалось из-за их забрал.

Снова сшибка. Грохот. Стон стали. Два тела разлетелись. Мечи соединились в смертельном танце. Огр промазал, врубился оружием в землю. Роменехиас закрутил клинком перед собой.

Следующая серия была более медленная, более расчетливая. Два мастера боя словно наслаждались возможностью выложиться в поединке, показать, на что способны. Зирвент почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

«Жаль, что никто больше этого не видит! Жаль! Мне никто не поверит, скажут – брешу! Ну брехал... но ведь это правда! Без мифических подробностей! Тьфу!» – подумал он, сорвал с головы шляпу и швырнул ее в кусты. Потом сбегал за ней, боясь, что потеряется.

Огр атаковал, Роменехиас отбил его меч клинком у самой разлапистой гарды.

– Не смей поддаваться! – прорычал Браги из-под своего огромного шлема.

Черный рыцарь прыгнул, взвыл, обрушив клинок сверху. И достал огра по наплечнику. Дзюнг! Великан покачнулся, и вагант подумал, какой же силы был этот удар... Страшила отступил на пару шагов, заслонился щитом, приняв на него мощный тычок острием. Развернулся вокруг оси, саданул наотмашь.

Он достал черного рыцаря по верхнему краю щита. Тот споткнулся правой ногой и стал падать. Зирвент взвыл от переизбытка чувств и вцепился в шляпу зубами.

Браги не дал Роменехиасу упасть, схватил его за наплечник, дернул на себя. Черный выпрямился. Поединщики замерли друг напротив друга.

– Кончай с этим, огр, – прохрипел Озерный рыцарь. – Ты победил.

– Дерись! – рявкнул Браги.

Роменехиас ударил, отчаянно, почти вслепую, вкладывая всю силу. Близко. Меч попал в нагрудник чудища. Браги отпрянул. Зирвент выдрал из полей своей шляпы приличный кусок.

– Мы можем продолжать до бесконечности, – сказал, задыхаясь, Роменехиас.

– Я готов, если это нужно.

– Кому?

– Тебе. И мне тоже, озерный рыцарь. Потому что...

– Не важно.

– Ты имеешь в виду шанс?

– Да, – ответил огр, но не сразу.

– Мой шанс... Значит, ты поверил в судьбу, Браги.

– Она приходила ко мне сегодня ночью, – сказал огр. – Зенгра... Я понимаю. Поэтому...

– Не продолжай. Давай закончим бой. Скоро мы все будем свободны. Чары падут. Ты не сможешь занять мое место, потому что ты не человек.

– Знаю.

Огр напал, вновь сшиблось страшное оружие, загрохотали щиты. Противники рубились, словно одержимые. Браги получил скользкий удар по шлему, ответил, разрубив верхний правый край щита Роменехиаса. Левая рука рыцаря в черном повисла. Он споткнулся, выбившись из сил.

– Странно. Я бессмертен, но не могу с этим ничего сделать. Я задыхаюсь, огр!

– Дерись! – загремел Браги, перехватывая меч.

Ударил. Рыцарь в черном, выпрямившись, отразил. Огр ударил еще раз. Роменехиас отбил снова. Потом откинул измятый щит, начал рубиться, держа меч обеими руками. Чтобы сравняться с ним, Браги сделал то же самое.

Пот стекал по лицам бойцов, из-под забрал слышалось сиплое дыхание. Даже сильный и могучий огр начал уставать и ошибаться. Очень непростым противником оказался рыцарь в черных латах.

Зирвент вконец извелся, изгрыз свой головной убор. Когда в очередной раз Браги ударил наотмашь и промазал, вагант швырнул шляпу на землю и принялся топтать ее.

Роменехиас собрался с силами и снова начал движение по часовой стрелке. Огр отступил, широко ставя ноги. Доспехи обоих были иссечены. Прошла почти минута. Никто не нападал. В какой-то момент, в тишине, Зирвент услышал крик чайки над озером.

Роменехиас бросился в бой. Засверкал, замелькал меч. Мельница. Град ударов, которые Браги отбивал не только своим клинком, но и забранными в сталь предплечьями. Рыцарь теснил огра, медленно, но верно. В последней атаке. И когда ошибся, когда дал слабину, чудовище воспользовалось этим.

Огр отскочил в сторону и ударил по шлему. Рыцарь в черных латах упал, выронил меч. Перевернулся на спину. Закашлялся. Вагант прижался к дереву и наблюдал за сценой огромными от страха глазами.

Браги воткнул свой меч в землю и опустил перед поверженным Озерным рыцарем на колени.

– Ты победил. Теперь можешь снять мой шлем... Как я мечтал об этом... Сто лет.

Огр сорвал с головы собственный шлем и развязал ремешки шлема Роменехиаса.

Зирвент ожидал увидеть нечто экстраординарное, наподобие свиного рыла с бакенбардами, но вместо рыла появилось лицо. Бледное, вытянутое, на котором горели голубые, словно небо, глаза.

– Свежий воздух, – просипел рыцарь. Его светлые волосы покрывала кровь.

Кровь казалась ваганту очень яркой. Он отвернулся. Но все-таки не мог не смотреть.

– Умираю, – сказал Роменехиас. – Конец. Я счастлив.

Гранатового цвета струя ударила из его рта. Потом гранат превратился в розовое, пузырящееся, быстротекущее, как бывает при ранении легкого.

– Слышишь? – спросил хозяин озера.

Огр поднял голову. Зирвент стал слушать. Со стороны замка, даже с такого расстояния, долетел до них полный злобы и отчаяния вопль.

– Условия выполнены. Заклятие снято. Зенгра больше не имеет власти. Она изгнана. А замок...

Вагант протер глаза. Замка больше не было. Чары растаяли, превратились в ничто. Теперь на месте зачарованного замка были только развалины.

Дикий крик черной ведьмы стих вдали.

– Я чувствую Даривенду. Иду к ней. Она зовет меня.

Огр молчал.

– Спасибо. Благодарю, благородный Браги из Шидама, за твой выбор. Этот шанс... Спасибо.

– Судьба, – проронило чудовище.

– Вот именно. Могло быть так, что и через тысячу лет... Я не мог больше ждать. Эта тоска...

– Понимаю.

Роменехиас схватил Браги за руку. Лапу. Закашлялся. Капельки крови полетели из его рта.

– Я снова человек. Может быть, и ты...

– Когда-нибудь.

– Всё. Прощай.

Огр кивнул. Глаза рыцаря закрылись.

Подошел вагант.

– Смотри, огр.

Огр посмотрел. Возле деревьев, там, где начиналась ведущая к замку тропинка, тянувшаяся вдоль берега, стояли двое. Роменехиас, без доспехов, в красивой чистой одежде. И она. Женщина, переставшая быть статуей. Прекрасная, сияющая, не одинокая.

Зирвент всхлипнул. Двое смотрели на них, улыбаясь. Даривенда прижалась к своему паладину и положила голову на его плечо. Затем – легкий взмах руки на прощанье, и, не сказав ни слова, они ушли по тропе. И исчезли.

Зирвент плакал, вытирая слезы рукавом.

9

Через полтора дня, поплутав по лесу, огр и студиозус выехали на тракт, ведущий к границе княжества Ферсвинг.

– Надо было вернуться и посмотреть, действует ли тот золотой котелок или нет, – сказал Зирвент, размахивая веточкой рябины. Комары к нему так и липли.

– Ты повторил это раз пять за последние полчаса. И раз в тысячный за эти дни! – проворчал Браги. – Сколько можно?

Вагант весело взглянул на него.

– Ладно тебе. Я просто хотел тебя расшевелить. Ты похож на грозовую тучу!

– Придумал бы что-нибудь получше, умник! Ты же такой у нас начитанный, написанный, на... словом, где твоя ученость?!

– Сейчас бы кружечку пива. Тогда уж она поперла бы... ученость-то. Студент без пива – не студент...

Огр посмотрел на него, потом воздел очи горе.

– Я знаю у границы княжества, как раз там, куда мы движемся, несколько кабачков. Остановимся, промочим горло, – продолжал Зирвент.

– Когда доберемся до границы, поедешь своей дорогой. Мне попутчики не нужны. Тем более такие пустозвоны. Ты замолчал только ночью, когда спал. И то не всегда. Я со счету сбился, скольких девиц ты упомянул во сне... Уф! Нет уж. Езжай куда хочешь, но не со мной!

– Ну ты и злюка!

– Я – чудовище, не забывай!

– Не дуйся. Думаю, мы станем хорошими приятелями.

– Еще не хватало!

– Станем. И не бери в голову. История с Роменехиасом и Даривендой кончилась хорошо. Судьба! Вот она! Настоящая любовь побеждает злые чары. Такова мораль.

– Заткнись. Не гнуси! Не забывай, огры слывут в сказках людоедами. Если меня разозлить...

Вагант расхохотался.

– Это мифологические подробности! Ничего более! О, я уже чувствую запах еды из чьего-то котелка. А вот там крыша башни на заставе. Вперед, огр! Закатим пирушку! Но учти, денег у меня нет...

Браги из Шидама вздохнул.

– Конечно, как же иначе!

– Да! И еще мне нужна новая шляпа...

Часть третья Сердце легенды

1

Гном смотрел на Браги слезящимися глазенками. Не иначе – с похмелья. Нос-картошка походил по цвету на залежалый сыр. Огр принюхался, догадка с похмельем подтвердилась.

– Как это банк разорился?

– Очень просто, – ответил гном, держась одной рукой за приоткрытую дверь, другой за косяк. Иначе бы упал. Его красный колпак съехал набекрень, борода торчала в разные стороны, в ней застряли кусочки какой-то еды. – Пшик, значит, и разорился...

Громадная фигура огра склонилась над гномом. Похмельный гном втянул голову в плечи, задрожал. Браги казался ему живым утесом. Впрочем, так оно и было.

– Ты утверждаешь, мелкота, что это уже не отделение банка «Пиншвурн и братья»?

– Ут-твер-рж-ждаю... – промямлил гном.

– А ты кто? – прорычал огр.

– Я? Сторож я. Стережу дом, пока его не купят. Сторож-ж-ж...

Рыцарь Железного Кулака по прозвищу Страшила медленно выпрямился. Его грозная физиономия не сулила якобы разорившемуся Пиншвурну и его братьям ничего хорошего.

Несколько ротозеев на улице перед бывшим банковским отделением остановились и стали шептаться.

Огр потерял всякий интерес к гному, страдающему похмельем, и обернулся к шептунам. Тех как ветром сдуло. В остальном улица осталась той же самой. Типичной для Людогорска. Покрытой грязью, соломой, шелухой от дынных семечек, щебенкой. Браги, мрачнее всех грозowych туч вместе взятых, поскреб затылок. Медленно и неотвратимо внутри его вскипал праведный гнев.

Очень захотелось что-нибудь сломать. Что-нибудь большое. Душу отвести...

Огр отошел от двери, над которой висела покосившаяся табличка «Пиншвурн и братья». Ошарашенный новостью Браги пытался сообразить, все ли свои деньги он держал у этих проходимцев или нет. И сколько там вообще было денег.

Гном-сторож, поняв, что беседа окончена и он легко отделался от чудища, захлопнул дверь.

Подсчет финансов требовал значительных умственных усилий, а огр не был расположен думать. Его взгляд упал на стоящий у стены соседнего дома деревянный воз.

Браги уже готов был бросить вызов этой колымаге и расколошматить ее в приступе ярости, но тут его окликнули:

– Клянусь своим пузом! Это Браги! Браги из Шидама!

Огр, помрачнев еще сильнее, повернулся на голос. Впрочем, складка между его бровями тут же разгладилась, хоть и не до конца. Шлепая сапогами по грязи, к Браги спешил толстяк с длинной густой бородицей, одетый в бархатный камзол с претензией на шик, короткий плащ и шапку, отороченную мехом.

– Етить твою дивизию! Сколько лет, сколько зим! – добавил бородач, перепрыгивая через кучки навоза. Короткие кривоватые ножки были удивительно ловкими. Их хозяин, кобольд, лучился радостью, но антрацитово-черные глаза, по мнению Браги, оставались все такими же. Так смотрит вор, переставший заниматься воровством.

– Ну, здорово, великанище! – пророкотал бородач, пожимая огромную руку Страшилы. Кобольды были больше и сильнее гномов, но даже им приходилось задирать голову вверх, чтобы разговаривать с Браги.

– Здорово, Стромбрикс. Действительно, давно...

– Сама судьба послала тебя мне.

– Да я просто так... – проворчал Браги.

– Э, да ты словно... словно тебя утесом стукнули по башке, ха-ха... В чем дело? Ни разу не видел унывающего огра...

Стромбрикс повернулся в сторону бывшего отделения банка «Пиншвурн и братья».

– Так, значит... Язви их в копыто, – понял кобольд. – Эти засранцы мне никогда не нравились! Ух... Прохиндеи! А ты, значит...

– Ничего не значит, Риник, бывай.

Огр повернулся, чтобы уйти.

– Не-ет, никуда ты не пойдешь! Надо же обмыть встречу старых приятелей! И не стоит дуться! Посидим, глотку промочим... Или у тебя дело какое неотложное?

– Нету никакого дела...

– Вот и славно. Где ты остановился?

– В «Рыжей Лилии».

– Тьфу, дерьмовое место. Рядом рынок, где свиней продают, а когда ветер дует с юга...

– Знаю.

– Есть одно местечко. Тихо, сухо и распрекрасный красный иркемский портер подают. Идем.

– Я на мели, Стромбрикс, – процедил сквозь зубы Браги. Его раздражали взгляды, которые бросали на него зеваки, а еще больше вонь, та самая, что прилетала со стороны оплота свиногодговли.

– Я угощаю. Нет проблем.

Кобольд улыбнулся во всю ширь и гордо выпятил пузо.

2

Над дверью заведения, носящего название «Чеширский кот», висело изображение ухмыляющегося кота. Внутри, кобольд не соврал, было тихо и чисто. Кабачок, по всей видимости, имел репутацию серьезного заведения, не простой пивнушки. В этом огр убедился, когда услышал, что и сколько стоит. Стромбрикс подмигнул ему и сделал солидный заказ на еду и выпивку.

– Что-то ты больно расщедрился, – мрачно заметил странствующий рыцарь по прозвищу Страшила.

Старым приятелям удалось отыскать самый дальний и самый неприметный угол в большом зале. Меньше всего Браги хотелось, чтобы на него пялились все кому не лень. Денек выдался паршивей некуда.

– Щедрость? Брось. Разве не могу я угостить друга? Да и потом, едришкин корень, разве я не в долгу перед тобой? Кто защитил меня и мой обоз у того поганого вонючего болота в Медвежьем Лесу, куда меня завели придурочные проводники? Как поперли разбойники, так, думал, все, хана... Я бы, может, и отбил, драпанул в лес, но не мог же оставить товар! Все, что у меня было. Если бы не некий огр, который думает, что он вовсе не огр, а человек...

– Давай не сейчас!

– Ага... Так вот, если бы не этот огр, я бы пошел по миру. Или голову буйну сложил под разбойничьими саблями. Тьфу! А в обозе том было все! Все, что я имею сейчас! Помню, до сих пор помню, как ты их. Будто скорлупки желудевые разлетались, мать их так, в разные стороны. – Кобольд вынул платок и высморкался, чем немало удивил Браги. Ни разу за все время странствий не видел огр, чтобы кто-то из соплеменников Риника Стромбрикса пользовался этим эльфийским изобретением. Обычно у них все по-простому. Выстрелить из одной ноздри, потом из другой, а руки обтереть о бороду.

Кобольд заметил взгляд Браги и спрятал платок.

– О чем я? А! Все будущее мое там было...

– Знаю. Сокровища, которые ты стянул из гробницы в Тул Сангироте, – сказал огр.

Стромбрикс рассмеялся.

– О да! Славное было мероприятие... Пожалуй, самое доходное в моей жизни. Ах, какие камни там были! Кое-что из той коллекции со мной. – Кобольд пошевелил толстыми пальцами, унизанными перстнями и печатками. – Так вот, Браги, повторяю: если бы не ты, не сживал бы я здесь с тобой. Решил я тогда завязать, понимаешь. В жизни каждого кобольда наступает момент выбора. – Стромбрикс важно приосанился, одернул на себе индиговый камзол с золотыми пуговицами. – И выбрал я, как ты знаешь, честную жизнь купца, делового кобольда, понимаешь? Тул Сангирот – последняя моя вылазка такого, как бы сказать, лиходейского свойства... А кто ж пострадал? Не в банк же я забрался, в конце концов. Никому никакого вреда. Мертвые в своих мавзолеях как спали, так и спят, а забрал я только то, что лежало свободно. Ну к чему, скажи, мертвякам золото? А мне, Ринику Стромбриксу, требовался, вот так, позарез, начальный капитал. В факторию, понимаешь, без солидного взноса не войдешь...

Огр почесался.

– Знал бы...

– Ну и что? Что, не стал бы помогать ворюге, грабителю гробниц? – фыркнул кобольд. – Стал бы! Стал, Браги.

– Почему это?

– Потому что ты – благородный и добрый, хотя и хочешь казаться чудовищем.

– Я и есть чудовище...

Принесли заказ. Три разбитные девахи приволокли шесть подносов всяческой снеди. Запах был что надо. Стромбрикс по ходу ущипнул одну из девах за огузок. Деваха, явно с примесью нечеловеческой крови, сверкнула крупнозубой улыбкой.

– Гы! – осклабился Стромбрикс. – Сервис – сказка. А ёдово и того лучше. Самое прекрасное заведение в Людогорске. Налетай, дружище! – Кобольд взял большую деревянную ложку и принялся за густую похлебку из баранины, приправленную чесноком и тимьяном.

Огр подвинул себе тарелку паштета из кабанятины.

– Никакое ты не чудовище, Браги. С виду – да. Но это только девиц пугать и принцесс, что послабже нервами. Но в глубине души... Словом, не знаю, человек ты на самом деле или нет, но рыцарь ты уж точно кондовый. Слухами земля полнится, Браги. Многие говорят.

– Хорошего или плохого? – спросил огр, подчищая куском хлеба тарелку, где только что был паштет.

– В основном хорошее. – Стромбрикс разлил пива из бочонка с фирменной этикеткой. – Так вот. За встречу!

– За встречу.

– Значит, помог бы ты мне в любом случае. Да и какая тебе разница, если подумать? Неужто будешь каждому купцу, которого спасаешь на тракте от лиходеев-головорезов, в мешки и ящики заглядывать? А если, значит, найдешь, что он везет контрабанду, пристукнешь? Не пристукнешь. Ибо рыцарь даже злодеям, попавшим в переplet, помогать обязан.

– Ну, это ты загнул.

– Я и был таким злодеем, Браги. Злодеем. Грабителем гробниц. Ящики у меня на возу чуть не лопались от золота, камней, вещей старинных. Такие дела-делишки. – Кобольд прищурился, жуя соленый огурец. – Что скажешь?

– Ничего. Просто поблагодарю за угощение.

– Ерундистика. Я про твои рыцарские штуки-дрюки. Если уж речь зашла о прошлом, ты как будто сожалешь о том, что сделал.

– Нет, не сожалею. Я реалист.

– Ну, значит, порядок. Я к тому, что негоже нос воротить и прикрываться всякими кодексами, – сказал кобольд. – Оно, конечно, дело полезное, кодекс. И у меня, и у подобных мне деловых кобольдов свой имеется. Но ведь и скидку на жизнь делать надо. Потому как жизнь, едрить ее дышло, сложная штука.

– Я вовсе ни на чем не настаиваю, – отозвался огр, глотнув пива. – Просто слышал... Слухами-то земля полнится.

– Эге, – ухмыльнулся Стромбрикс. – А подробней?

– Что фактория, которую основали Тейви Брыдбекс и Лауг Чибиаворн, здорово нагрела своих партнеров и развалилась аккурат тогда, когда огребла приличную сумму. До сих пор никто не знает, где скрываются означенные господа кобольды. Помнится, ты именно в эту факторию и входил со своим взносом. Или я путаю?

Риник насупился, надул губы, глянул исподлобья. Потом махнул короткой ручкой.

– Что было, то было, Браги. Твоя правда, – сказал он шепотом, подавшись вперед. – Если хочешь знать, я к этому непричастен. Эти прохиндеи провернули все без меня. Однако ты знаешь, у меня нюх. Подозревал, что эти двое хотят провернуть одно паршивенькое дельце... Не успел я ничего предпринять, как бац! трах! – и нету фактории... А меня самого под белы ручки, значит, представь. Кредиторы, а их немало было, так насели, что жуть... Заперли честного кобольда в башню, в Иммунте. Князь едва со злости не лопнул. Он же акционером был фактории нашей. Приходил ко мне в башню чуть не ежедневно, все допытывался, где, мол, мои поделники. Ну, я ему честно объяснил, что ничего не знаю.

– А ты не знал?

– Да ты что, Браги, белены объелся? Участвуй я в афере, стал бы я в Иммунте торчать, дожидаясь, пока меня бросят в холодную? Нет, приятель. Удалось мне князя убедить, что правду говорю. Обещал возместить его потерянную долю – и возместил, как только вышел. На том дело и закрылось. Князь меня от других живоглофов защитил. Я ему сверху еще накинул. Пришлось изрядно мощной тряхнуть!.. – Кобольд огорченно покачал головой. – Но из Иммунта я был вынужден смыться. Самое поганое, что имя они мое честное подпортили, поганцы эти! В нашем деле репутация дороже всего. Но я был бы не я, если бы до катастрофы не предпринял мер. Хорошо вложил прибыль, предварительно изучил рынок, чтобы не сесть в лужу. Здесь, в долине Коота, самые благоприятные условия для всевозможных дел, знаешь ли... Чиновники княжеские меру знают, налоги низкие. Словом, не остался без порток-то совсем. Приехал сюда, потихоньку стал налаживать дела.

– И?..

– Теперь я на коне, – улыбнулся Стромбрикс.

– Угу, – промычал угрюмый огр.

– Здесь живу пока. А там, глядишь, перееду в Казабалад, куплю домище поболее, женюсь...

– Женишься?

– Ага. Будет, куда жену привести. В дом, значит.

– А что с Лаугом и Тейви?

– С Лаугом не знаю. Но живет, думаю, тыквенная башка, где-нибудь под другим именем и денежки в сундуках пересчитывает. Мои в том числе! Про Тейви знаю только то, что, дескать, дал дуба засранец. Заразился какой-то дрянью или траванулся. Э, не гляди на меня так. Я невинен, словно овечка новорожденная, – сказал Стромбрикс, поднимая кружку. – Дело мокрое не по мне... Кара судьбы злодея настигла, не иначе!

Чокнулись, выпили.

– Ну, теперь расскажи ты, Страшила. Как живешь, где бродишь?..

– Так, ничего интересного... – Сардельки с тушеной капустой были хороши... – Там да сям... Что до дел, то не особенно много...

Кобольд прищурился.

– Значит, принцессы, которую надо спасти, у тебя нет на примете? – спросил Стромбрикс. – Это ведь, кажется, твоя специализация.

– Моя, да что толку? Умные пошли принцессы, что ли, мало в беду стали попадать. Или то, что раньше бедой считалось, теперь просто приключение.

– Да? Кто бы мог подумать, – проворковал бородач, перемалывая зубами пирог с картошкой.

– Поеду, наверное, на восток, там, может, найдутся подвиги для меня. Без них я... сам понимаешь.

– Может, и найдутся, – ответил кобольд. – Но ведь, если в Людогорске пошуровать, оно тоже...

– Что? – Огр заметил масляный блеск в глазках бородача.

– Вдруг отыщется дельце для странствующего рыцаря, шутя укладывающего драконов, чудищ разных и один на один выходящего против разбойничьих банд...

Отрывка вырвалась из огрской утробы и поколебала занавески на окне, расположенном в пяти шагах от стола.

– Ого! – сказал Стромбрикс.

– Не темни, бородач. Выкладывай, ежели что для меня у тебя есть.

Кобольд расстегнул три верхние пуговицы на камзоле. В общий зал «Чеширского кота» вошли гномы, перемазанные сажей. За ними трое людей в длинных плащах и шляпах. Стало шумно. В самый раз для разговора без свидетелей.

– Сначала ты, Браги, расскажи мне о своей поездке сюда. Ну, и о ее цели тоже. – Кобольд подмигнул, добавляя в кружку Браги иркемского портера.

– Собственно, я и ехал на восток, а здесь остановился, дабы обзавестись наличными, – сказал рыцарь. – И весь сказ.

– Не весь, – отозвался Риник, поглаживая внушительное брюхо, которое нагулял за время «честной» жизни. – Судьба послала мне тебя. И судьба же дала указание, что ты попал в совершенно дурацкое положение. Как многие попали в Людогорске.

Огр каменной грозной физией сделал последнюю попытку перевести разговор в другое русло. Но Стромбриксу на эту пантомиму было начихать.

– Ты стоял возле отделения банка «Пиншвурн и братья». И с такой мордой, словно... да чего там – словно обчистили тебя, до нитки обобрали. И факт сей взбесил тебя до крайности. До такой, значит, крайности, что ты готов был разнести полгорода. Прав я?

– Допустим, – проворчал огр.

– У меня нюх на такие вещи. – Стромбрикс указал на свой круглый нос, похожий на помидорину. – Угадаю. Ты разместил все свои средства у гномов, а когда пришел снять маленько со счета, обнаружил, что бум – нету больше твоих грошиков! А невменяемый сторож, торчащий в пустом отделении банка, сказал тебе, что банк накрылся медным тазом. Угадал?

– Допустим.

– Да что ты заладил? Не друзья мы, что ли? Впрочем, и так вижу, что угадал. Никакой мистики и чудес. Еще неделю назад тут такое творилось, что никакого цирка шапито бродячего не надо. Развлекуха и веселуха! Вывесили на дверях банка уведомление, что средства больше не выдаются. Ну, типа до особого распоряжения совета директоров. Но всяк знает, что ни хрена эти слова не означают, кроме одного – кранты банку: либо конкуренты сожрали, либо сами хозяева смылись с чужими деньжатами куда подальше. День-два вкладчики еще терпели, а потом начали возмущаться! Вой и крик подняли на все окрестности. Чуть не взяли отделение штурмом, князю пришлось стражей разгонять недовольных. Теперь все улеглось. – Стромбрикс высморкался с невероятной для его племени деликатностью, чем снова поверг Браги в шок. – Власти посадили в отделение сторожа, а дом выставили на продажу. Вот какая история. Пиншвурн этот просто волосатый глист, гаденыш и сопля лошадиная! Нет ни стыда, ни совести! Одним словом – гном! Ни один уважающий себя кобольд не положит деньги в гномский банк. Самые надежные банки наши, запомни, Браги, на будущее. Судя по всему, Пиншвурн сделал немалую деньгу. Только здесь, судя по слухам, он хранил не менее трехсот тысяч монет в дайморской валюте, что означает шесть сотен тысяч по мере Лазбарии или почти миллион по курсу пибадурской кроны. Представь, какая сумма лежала в головном банке в Небаге! Гномы – порослячья порода! – подытожил Стромбрикс.

– Значит, свалили с чужими деньгами.

– Так и есть. Но я скажу тебе, что они это давно планировали. Давно и тщательно, потому что даже мы, деловые кобольды Людогорска, ничего не знали, а мы, без преувеличения, в курсе всего... Вывезли гномы свои активы, да так ловко, что комар носа не подточит. Где они сейчас – ищи свищи!

Огр отправлял себе в рот куски селедки и молчал.

– Сколько ты хранил у Пиншвурна? – спросил кобольд.

– Почти три тысячи дайморских каваров...

Стромбрикс свистнул.

– Ничего себе!

– Вот именно.

Кобольд сочувственно покачал головой.

– Ты ведь сразу догадался, – сказал через некоторое время Браги. – Меня не проведешь. Смекнул, что я в переплет попал с этими паршивыми недомерками, и подъехал на хромой козе. Да, Риник?

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – отозвался бородач.

– Хе, знаешь, знаешь. С самого начала разыгрывал передо мной приятеля, задобрив сытным обедом и хорошим пивом. Ходил вокруг да около. Это что, от доброты душевной, кобольдище? О благородстве рассуждал.

– Ну, зачем же так-то... Я от чистого сердца.

– Допустим. Но ты деловой кобольд, сам сказал. Почему же сразу не завел разговор о деле? Тебе ведь что-то от меня потребовалось! Судьба, говоришь, послала и все в таком духе.

– Хм, – расплылся в улыбке Стромбрикс, – скажем так, я прикидывал коммерческие риски.

– И каковы же они?

– Пока не скажу.

– А когда скажешь?

– Ты готов взяться за дело?

– Смотря какое дело, Риник.

– Понимаю. Ясно, на что ты намекаешь! Если оно с душком, то ты, благородный рыцарь, не возьмешься, потому что не привык пачкаться... Огр, чтоб я лопнул, не привык пачкаться!

– Поосторожней, друг. У всего есть границы, ага?

– Ээх! – Стромбрикс хватанул кулаком по столу. Девахи, разносившие еду и пиво для посетителей, обернулись. Измазанные сажей гномы оценили габариты огра и стали разговаривать тише. – Ну, Браги, раз пошла такая пьянка! Знаю, что раскусил ты меня с самого начала!

– Мы, чудища, которые убеждаем себя, что мы не чудища, такие!

Кобольд расхохотался и дернул себя за бороду.

– Дурень я старый. Забыл, что нельзя с тобой такие разговоры разговаривать, нельзя, как барана на веревочке, водить! Прав ты, надо было сразу, напрямую. Но ты уж прости бородача. Совсем из ума выжил.

– Не преувеличивай. – Огр отвалился от пустых тарелок и уделил основное внимание пиву. – Дело говори. Не скрою, мне нужны наличные, Риник. Наличные в любой валюте! То, что мне удалось скопить, пропало. Гномы, чьи банки самые ненадежные, как я смог убедиться, оставили меня в чем есть. Только в портках, фигурально выражаясь. Потому мне, странствующему рыцарю, о котором говорят в основном хорошее, требуются средства. Элементарно, даже для оплаты проживания на постоялом дворе славного города Людогорска. И огр готов ввязаться в какое-нибудь дело. Слово чести! Так говорит Рыцарь Железного Кулака.

Кобольд кашлянул в кулак. Его физиономия источала блаженство.

– И этот рыцарь готов взяться за работу, даже если она с душком?

– Готов.

– Хорошо, Браги. Сляпаем дельце. – Бородач поглядел на дорогие напольные часы, стоящие в углу возле большого камина. – Знаешь что, давай-ка заберем этот бочонок с парой кружек и пойдем прогуляемся. Подышим воздухом. Заодно и поговорим!

– Что ж. – Огр встал во весь рост, потянулся и брякнулся о поперечную балку потолка. – Я не против. Потопали.

3

Заложенный двести лет назад предком нынешнего князя, Людогорск был грязным городишкой. Жинд III из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать всем и каждому, что его город не хухры-мухры, а самая что ни на есть просвещенная столица прогрессивного княжества. Насчет просвещенности сказать было трудно. По части же торговли и ремесел Людогорск действительно кое-чего достиг. Низкие налоги и твердая рука Жинда, державшая в узде чиновников, привлекали сюда деловые круги. Те, что не боялись рисковать и обделывать разные дела, даже не слишком законные. На многое местные власти закрывали глаза, многое прощали, а потому в казне Жинда кое-что водилось. Труды князя не пропали даром. В последнее время Людогорск неуклонно шел вверх, и если внешне оставался все той же провинциальной дырой, едва сменившей деревянные постройки на каменные, то внутри давно не походил на то самое «хухры-мухры». Ему и вправду светило стать большим деловым центром. Уже сейчас в нем было десять ремесленных цехов, пять гильдий, пять банков и семь факторий. Располагались они в специально строящихся кварталах. Само собой, именно гильдии, фактории и банки обустроивали для себя пространство для жизни. Их освободили от налогов – и они ринулись месить раствор и класть кирпичи.

Шагая по грязной улице, Браги повсюду видел приземистые каменные дома. Основная часть города, еще не тронутая цивилизацией. Низкие, тяжелые здания, не ласкающие взгляд. В иных случаях городская архитектура просто оскорбляла воображение наблюдателя своим безвкусием. Пройдет еще много времени, прежде чем Людогорск перестанет походить на временную крепость-поселение.

Ближе к центру стали попадаться вполне приличные домики. Аккуратные, крашеные известью, окруженные витыми чугунными заборчиками. Улицы становились все чище, деревянные мостовые сменились брусчаткой, которую беспрестанно мели и скребли люди в форменных жилетах. Такое усердие умиляло.

Кобольд, надышавшийся после пива свежего воздуха, разглагольствовал о перспективах Людогорска, о его достоинствах в плане торговых операций. Прихлебывая из кружек, приятели шли мимо базарчиков, магазинчиков и лавчонок. Чем только здесь не пахло. Основным компонентом был, конечно, свиной навоз, но попадались и вовсе уж изысканные и гламурные ароматы. Как те, что долетали из закутка, торгующего благовониями.

– Так вот, Людогорск, помяни мое слово, еще всем утрет нос!.. – заявил Стромбрикс, перешагнув через кучку дерьма, смахивающего на человеческого организма деяние. – Если взяться за дело как положено, все пойдет...

Из переулка вылетела орущая ватага ребятиш. Мимо огра проскочило какое-то чумазое создание.

– ...как по маслу, – закончил кобольд. – А ну, малышня, не блажить!

Малышня не обратила на него внимания и унеслась прочь.

– Риник, проблемы Людогорска меня не очень волнуют, – сказал Браги. – Мы вроде бы собирались поговорить о деле.

– Поговорим, – ответил кобольд. – Обязательно. Если повезет, ты увидишь некое весьма недурственное зрелище, огр. Оно затрагивает проблемы Людогорска самым прямым образом. Поэтому я тебе все это и втолковываю. – Бородач плюнул. Платок платком, но от подобного удовольствия Стромбрикс отказаться не мог.

Рыцарь Железного Кулака вздохнул. Речи Стромбрикса утомляли, но если уж кобольд сел на своего конька, только держись. Придется терпеть, пока он сам не иссякнет. Так было и раньше, когда Риник рассусоливал о тонкостях воровского дела. Нынешние его разговоры касались все того же предмета – как бы побольше урвать.

Воистину настало время торгашей. Еще триста лет назад кобольды слыли самыми отчаянными рубаками. Теперь большая часть из них оцивилизовалась до невозможности...

Улочка была узкая. Огр топал по самой середине, фигурой своей загородив проход и проезд с обеих сторон. Вспомнив о том, что потерял такую уйму деньжищ, в частности и те, что получил от короля Ляпквиста, Браги впал в состояние тихой и задумчивой ярости.

– Эй! – Стромбрикс дернул огра за рукав.

– Чего? – спросил рыцарь.

Кобольд указал на целую толпу народа, собравшегося позади огра. Толпа эта махала кулаками, дубинками и вопила на полсотни голосов.

– Просто чуток посторонись, приятель, – ослабилась кобольд и засеменил ножками по брусчатке.

Браги плюнул и последовал за ним, чтобы вскоре оказаться на небольшой круглой площади. Пробка позади него пришла в движение. На площадь потекли телеги, груженные товарами. Здесь раскинулся базарчик. Шум-гам, шныряющие в толпе карманники, разборки между продавцами и прочие прелести торговли в небольших городках, стремящихся стать деловыми центрами.

– Уф! Сядем, Браги. Притомился я, – пожаловался Стромбрикс.

– Брюхо отъел – еще бы.

– Фу-ты ну-ты, – сказал кобольд, присаживаясь на каменный парапет в сторонке от базара. Неподалеку находился загон для свиней. Облепленные грязью животины радостно хрюкали. – Выпьем. – Браги и Стромбрикс снова приложились к кружкам. Бочонок с портером поставили между собой.

– Ты что, от городов отвык, огр? Прешь, словно сель, все сметая на своем пути. Тут тебе не лес и не поле.

– Да. Давненько я не бывал в таких местах...

– Может, тебе осесть где-нибудь? – спросил кобольд, поигрывая золотыми четками, выуженными из кармана. При этом бородач беспрестанно оглядывал небо, по которому бежали облака. – Купить замок. Или усадьбу в тихом красивом уголке. И жить-доживать век в свое удовольствие. А? Не думал?

– Думал, – признался огр. Пиво развязывало язык, хотя говорить на такие темы он не любил. – Хотел проверить, хватит ли мне монет... Приезжаю сюда, в ближайший филиал, а тут...

– Ну, положим, на замок не хватило бы. Но на приличный дом с садом и куском земли запросто. Насколько я понимаю, твои запросы в этом смысле скромны. Я бы даже помог старому другу подыскать теплое гнездышко...

– Теперь-то что? Уплыли деньги. Снова копить надо, – угрюмо отозвался огр.

Стромбрикс покачал головой.

– Как знать. Может, подфартит тебе в нашем деле... – Взгляд бородача не отрывался от бегущих по небу облаков. Нос-помидор шевелился, что-то вынюхивая.

– Да в каком деле-то?

– Терпение. Глядишь, само свалится нам на головы.

– Перепил ты, по-моему.

– Слушай, так что там с этими... чарами твоими? Ничего нового не узнал. Не вспомнил?

Браги мотнул головой.

– Давай не сейчас.

– Давай...

Его прервал чей-то вопль, перекрывший многоголосое гудение, заполнявшее площадь.

– Лети-и-и-ит!!! Летит!!!

На мгновение торгово-покупательная братия замолкла. Огр услышал, как выпустила газы одна из свиней в загоне. Потом площадь взорвалась воплями и визгом. Покупатели, те, кто заплатил и кто еще нет, ринулись в разные стороны, словно испуганные мыши от кота. Торговцы, упустившие товар, разразились проклятиями. Послушать было что. Подобного собрания цветастых выражений Браги не слышал давно.

Будь он Зирвентом, не поленился бы записать.

– Смотри туда! – ткнул его локтем в бедро кобольд. – Я же говорил! Угадал я! Летит, чтоб его подняло да оземь хлопнуло! Летит злыдня, маму его в дыню! – Стромбрикс издал нечто среднее между боевым воплем и криком отчаяния. Сорвал шапку с головы, принялся ею размахивать. – Летит, гадина!!!

Огр увидел. Действительно летел.

Дракон.

Дракон как дракон. Размер, из-за слишком большой высоты, пока определить было нельзя, но в принадлежности к классическим образцам вида сомневаться не приходилось. Голова на длинной шее, рогатая, зубастая, по спине – гребень. Туловище вытянутое, хвост длинный, четыре лапы, задние мощнее передних. Кожистые крылья, словно на картинке в учебнике по монстрологии.

Дракон спускался на город широкими кругами. Казалось, не спешил, а просто прогуливался, наслаждаясь хорошей погодой.

– Смотри! Смотри, Браги! – завопил кобольд. – Каков! Красавец, мать его! Как с литографии, едрена копать!

Площадь почти обезлюдела, народ попрятался кто куда. Торговцы, не посмевшие бросить товар, укрылись под прилавками и продолжали сквернословить на все голоса.

Дракон издал трубный рев и предпринял головокружительное пики.

– Неужели сюда? Неужели сюда? – орал Стромбрикс, подпрыгивая на каменном парапете, словно большой бородатый мяч.

На соседних улицах затопали ноги. Забрэнчали латы. Через площадь пронесся отряд стражников с копьями и арбалетами. Следом за ними, налегая на машину что было сил, появились другие. Они толкали перед собой средних размеров фрондиболу. Командир расчета матерился в десять этажей и по своему умению явно превосшел даже торговцев рыбой и гнилыми тыквами. Огр смотрел на все это с открытым ртом.

Дракон снизился, вышел из пики, взмыл вверх.

– Жрать, гадина, хочет! Жра-а-ать! – продолжал вопить впавший в неистовство Стромбрикс. Слюни летели из-под его усов во все стороны.

Дракон взревел. Кобольд угадал. Из всех мест в Людогорске чудовище выбрало именно эту площадь.

– Разворачивай! – рычал командир расчета фрондиболы. – Заряжай, титька мышинная, чичка свинючья, подавиться тебе соплями!

Дракон начал пикировать. Совсем низко. Браги видел его раскрытую пасть, усеянную зубьями, и горящие темно-синим огнем глаза.

– Пли! – рывкнул командир расчета.

Фрондибола подскочила на мостовой, рычаг выпрямился, ударившись о предохранительную перекладину. Камень взмыл вверх. Выстрел почти удался. Дракон прынул в сторону от летящего снаряда, разминувшись с ним всего на пару локтей. Скорость его падения снизилась. Дракону пришлось на несколько мгновений зависнуть, чем воспользовались арбалетки. Выскочив из двух переулков, они выпустили по нему тучу коротких болтов.

– Бей! Бей! Бей! – не унимался кобольд.

Болты не попали, ни один. Дракон развернулся, расправил крылья и помчался к площади.

– Бей! Бе...

В этот момент огр схватил разбушевавшегося Стромбрикса под мышку и бросился наутек. Дракон заходил на прямую атаку, а значит, находиться поблизости было вредно для здоровья. Арбалетчики и расчет фрондиболы, видимо наученные горьким опытом, тоже кинулись бежать. Позабыв о товарах, купцы помчались вслед за ними. В переулках образовалась давка. Дракон ревел уже над самыми крышами.

Браги остановился, потом прыгнул к ближайшему распряженному возу и пинком перевернул его, успев спрятаться под ним вместе с кобальдом.

Лошади и свиньи, почувствовав чудовище, закричали. Огр приподнял воз, выглянул. Храбрые защитники Людогорска и торговцы успели удрать, оставив поле боя. Дракон остановился у самой земли. Его огромные крылья подняли настоящий смерч из пыли и грязи. Сноп огня ударил в метательное орудие, прошелся по прилавкам. Дракон затрубил совсем рядом с перевернутым возом, под которым укрылись огр и кобальд. Запахло горелым. Затрепало занявшееся дерево.

– Огнем дышит! Дышит ведь! – прохрипел Стромбрикс.

– Заткнись!

Дракон пальнул еще раз. Волны воздуха, поднимаемые бьющими крыльями, раздували пламя. Тварь и правда была большой. Подобного дракона Браги встречал впервые. Окрасом он был темно-ореховый, на животе – бежевый. По всей шкуре, от носа до кончика хвоста, бежали яркие серебристые линии симметричного узора.

Дракон ударил хвостом по прилавкам. Обломки, охваченные пламенем, полетели в разные стороны. Дико ржали лошади, рвущиеся с привязи. Но дракон нацелился не на них. На глазах Браги он схватил самую большую и жирную свинью, вонзил в нее когти задних лап и поднял в воздух. Свинья дико взвыла, задергалась. По ее бокам потекла кровь.

Завладев добычей, дракон взмыл в воздух и полетел над крышами, набирая высоту. Огр приподнял воз, чтобы лучше видеть, но обзору мешал дым.

Вопль предчувствующей страшный конец свиньи стих в высоте.

Представление закончилось. Огр и кобальд выбрались из своего укрытия. Кто-то в дыму орал:

– Воду несите, голодранцы, воду! Тушите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.